

ЖАННА МОРГУН

ПОД РУБРИКОЙ
«ПАМЯТЬ»

Жанна Моргун

**Под рубрикой
«Память»**

Печора
2021

МОРГУН Ж.В. Под рубрикой «Память» – ????, 2021. – 146 с.

Книга вышла в свет за счет добровольных пожертвований работников Печорского линейного производственного управления магистральных газопроводов ООО «Газпром трансгаз Ухта», собранных в рамках благотворительного марафона «Мы – наследники Великой Победы».

Использование текста, в том числе фрагментов, без разрешения автора запрещается и охраняется Законом РФ «Об авторском праве».

Предисловие

Живых свидетелей Великой Отечественной войны с каждым годом остается все меньше и меньше. Время неумолимо – уходят последние ветераны-фронтовики. Выплакав до самого доньшка свою вдовью печаль, уходят их жены... Бережно хранят в своих ладонях каждую крошку хлеба и помнят голодные и холодные годы осады жители блокадного Ленинграда... В каждом поселке на пальцах одной руки можно пересчитать тружеников тыла... Их осталось так мало.

Сегодня у нас есть уникальная возможность: записать и сохранить для наших детей, внуков и правнуков их воспоминания. Не приукрашивая и не преувеличивая, записать так, как помнят ветераны события суровых военных лет, непосредственными участниками которых были они сами. В этой книге собраны не художественные произведения, в которых имел бы место быть авторский вымысел. В каждом очерке рассказ о реальных людях, о том, какие испытания выпали на их долю, равно как и на долю всего народа – народа-победителя, народа-освободителя.

В 2020 году в рамках празднования 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне корреспонденты газеты «Печорское время» встречались с ветеранами, записывали их воспоминания и публиковали их на страницах газеты. По инициативе Печорского городского Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и Правоохранительных органов все публикации собраны в этот сборник, который мы назвали «Под рубрикой «Память».

*Председатель Печорского городского Совета ветеранов
Людмила Федоровна Окрестина.*

Надежда Еременко

*Под рубрикой «Память» –
Радость и боль.
Под рубрикой «Память» –
Война и любовь.*

*Под рубрикой «Память» –
Молчат пулемёты.
Памят годами
Живые о мёртвых...*

**Благословите
женщину**

**Флора Шмульевна
АНДРЕЕВА**

У НАШИХ соседей в семье было 10 детей. Когда у Ксении спрашивали: «Может, хватить рожать?», – она всегда отвечала: «Тот дом Господь благословит, в котором детский смех звучит! А мой дом десять раз благословлен Господом!» Что тут ответить, если и вправду в соседском доме 24 часа в сутки весело и шумно, в нем всегда играли маленькие дети... Они вырастали, уезжали учиться, влюблялись, женились и привозили бабушке и дедушке внуков – сами писали дипломные работы и диссертации, а их детишек воспитывали младшие дети Ксении.

Женщина, о которой я хочу рассказать, очень похожа на Ксению: такая же гостеприимная, добрая и приветливая. Зовут ее по-разному: бабушка Андреева, в поселке иногда называют Ларисой Семеновной, но по паспорту и по документам она Флора Шмульевна Андреева. И у нее тоже было 10 детей, но одна дочь умерла еще в младенчестве, а девятерых ребятишек они с мужем подняли, воспитали, дали хорошее образование. Сейчас все дети устроены в жизни, у каждого из них своя семья,

свои дети и внуки, Флора Шмульевна проживает одна. Правда, рядом с ней, в Кожве, живут две дочери и сын, которые не бросают маму ни на один день, постоянно приходят и помогают во всех хозяйственных и бытовых делах.

Жизнь сложилась как сложилась. В этом году Флоре Шмульевне исполнится 80 почтенных лет. Бывает, вспомнит иногда свои прожитые годы. А вспоминать есть что, ее жизнь – как многосерийный фильм, только сценарий к этому фильму не придуманный. Он написан не писателем, а самой судьбой.

Хозяйка показывает мне свое свидетельство о рождении, выписанное ЗАГСом города Оренбурга, а потом говорит, что в этом городе они никогда не жили, просто там она появилась на свет. Сюжет для художественного фильма. Когда началась Великая Отечественная война, родители Флоры Шмульевны – Сарра и Шмуль Березанские – жили в Одессе. Она не знает, где и кем они работали. Ей достоверно известно только то, что у нее был старший брат Моня, и их эвакуировали вглубь страны, подальше от линии фронта, которая с каждым днем двигалась

от западных рубежей страны все дальше и дальше на восток. 24 сентября 1941 года железнодорожный состав, в котором ехали Березанские, прибыл на станцию Оренбург. Вы скажете, что так только в кино бывает, но у мамы начались роды. Их ссадили с поезда, так на свет появилась маленькая Флора. Сегодня она говорит: «Вот какая у меня мама была! Кругом горе и беда, а она мне такое красивое имя дала – цветы. И как она могла меня так назвать?». Потом семью, вместе с грудным ребенком и «Свидетельством о рождении» отправили в эвакуацию в Таджикистан. Школу-восьмилетку Флора окончила в городе Ленинабаде. Тот год был непростым для девочки. Трагически погибла ее мама, брат был старше Флоры на пять лет, и у него уже была своя семья. Взять сестру к себе он не мог. Квартира, в которой все это время жили Березанские, была съемной, своего жилья у них не было. Отец, Шмуль Давидович, к тому времени с семьей не жил...

В школе, в личном деле Флоры, учителя нашли данные о том, что ее отец живет в Прибалтике, в Риге, и работает

фотографом в окружном Доме офицеров. За счет школы Флоре купили билет от Ленинабада до Москвы и от Москвы до Риги. Впервые в своей жизни Флора поехала так далеко, почти через всю страну, в далекую Прибалтику, о которой знала только то, что было написано в школьном учебнике географии...

Помнит, как искала тот Дом офицеров: «Спрашивала у прохожих. Язык до Киева доведет!» А когда зашла в вестибюль, уборщица тетя Маруся напоила ее чаем, пригляделась и сказала: «Вылитый Березанский!». Флора надеялась на то, что отец будет рад этой встрече. Она ни разу в жизни не видела его, но мама ей рассказывала, что отец знает о ее рождении, иногда он даже какие-то деньги маме посылал. Девочка всю дорогу мечтала о том, как скажет ему: «Здравствуй, папа!» А он в ответ ласково обнимет ее и назовет доченькой. Не случилось. Отец принял ее очень холодно: к тому времени в Риге у него была новая семья. В этой семье ребенку от первого брака отца места не нашлось... Флора побывала немного у отца на работе, а потом он потребовал, чтобы она ехала обратно. Она вспоминает: «Я согласилась, только вот думала: а куда мне ехать? У меня нигде никого нет. Я совсем одна. Мама умерла, папа не принял». А отец очень обрадовался моему решению, сразу повел меня в столовую, накормил и купил билет на обратную дорогу. Потом посадил на вокзале и сказал: «Ты тут сиди, а я приду тебя проводить на поезд».

В кармане пальто у Флоры был адрес маминой знакомой, которая жила в суровом северном краю, в Саратовке, недалеко от Печоры. Пока не было отца, девочка пошла к начальнику вокзала и попросила помочь ей поменять билет. Она решила ехать к маминой знакомой, которую видела всего один раз в жизни и то давным-давно. Разницу в стоимости билетов начальник вокзала выдал Флоре деньгами. На эти деньги она купила себе еду в дорогу и послала прямо с вокзала телеграмму маминой знакомой, дескать, еду к вам в Саратовку, встречайте.

На станции ее встретил молодой человек, старше ее на 17 лет. Он приехал к своей маме и пошел на вокзал встречать гостью. Это его мама была знакома с Саррой Давыдовной...

Так Флора познакомилась с Петром Тимофеевичем Андреевым. Я могу только предположить, что в этом уверенном в себе не очень молодом человеке она нашла то, чего была лишена с самого детства: отцовской защиты, понимания, поддержки, сочувствия и помощи. «Благодаря ему я выжила», – говорит Флора Шмульевна и в эту короткую фразу вкладывает всю свою теплоту и нежность... Три года они встречались, а когда Флоре исполнилось 18 лет, Петр Тимофеевич сделал ей предложение, и они стали жить одной семьей.

Через год в их семье родилась первая дочь Люба. А потом семья потихоньку разрасталась, десятерых малышей родила своему Петру Флора. Я даже не спрашиваю, трудно ли ей было управляться с такой детской командой. Она сама рассказывает: «Дети все выросли. Лишнего не просили и не требовали. Баловать мы их не баловали. Сначала нам дали однокомнатную

квартиру по Октябрьской улице, дом №32. Потом ребяташек прибавилось, нам стало тесно».

В том же доме семье выделили еще и освободившуюся соседскую квартиру, и Андреевы стали занимать полдома. Рядом с домом разработали большой огород, построили теплый хлев и сарай. Всегда держали хозяйство: корова, свиньи, кролики, куры – еды всегда было вдоволь. Петр Тимофеевич работал лесником. У него был «служебный транспорт» – лошадь. Она тоже жила в хозяйстве. Для лошади было выкопано и утеплено стойло в земле – чтоб не мерзла она зимой. С раннего утра до позднего вечера Флора хлопотала по дому и по хозяйству: старалась успевать стирать, готовить, убирать, управляться со скотиной, заниматься огородом, провожать детей в школу, учить с ними уроки, топить печку: без выходных и праздничных дней, без гувернанток и домработниц, прачек и поваров, без стиральных машин, пылесосов и микроволновых печей, без материнского капитала и социальных детских выплат. И как только все успевала? Правда, подрастали детишки и помогали управляться с домашними делами, да и за младшенькими присматривали.

Одну стену дома, капитальную, на которой крыша держится, хозяин построил каменную, чтобы стояла она долгие годы. Хотел, чтобы дети женились, выходили замуж, рожали внучат, но чтобы жили вместе с ними. «Дом давно расселен, но стоит он до сих пор – крепкой та стена у мужа получилась», – с грустью говорит Флора Шмульевна, называя тот дом ласково «усадьбой». В 1993 году мужа не стало. Она осталась вдовой. Устроить свою личную жизнь – ей даже в голову такая мысль не могла прийти. Она всю свою личную жизнь уже прожила. Прожила с любимым и любящим человеком, который был не только хозяином в доме и отцом ее детей, но и самым настоящим мужем. А она всегда была замужем, только двумя словами: «за мужем». Она постоянно чувствовала его заботу, внимание и любовь, его теплоту, нежность и ласку. Оставшись одна, Флора Шмульевна все годы своего вдовьего сиротства хранит в своем сердце те чувства, с которыми прожила она долгие и счастли-

вые годы. Она трепетно бережет в своей душе и помнит каждое его слово, каждый жест и взгляд.

Ей есть ради кого жить. Она называет всех своих детей, внуков и правнуков не так, как они в паспорте записаны, а нежно и ласково: «Любушка, Петенька, Наденька, Аленька...» Девять детей, все уже взрослые. А еще полтора десятка внуков, а еще правнуки – богатая она мама, бабушка и прабабушка.

А я вот себе думаю: «А другим кто не давал рожать в молодости столько детишек, сколько Бог посылал, и в старости тоже стать богатыми?». Тогда они думали, что «планируют свою семью». Но прошли годы, и пришло позднее раскаяние. Им бы повиниться перед Господом, так нет ведь, завидуют. А зависть – это не совсем хорошее чувство... Нельзя завидовать и осуждать женщину за то, что она Женщина, что она предназначена Творцом для того, чтобы продолжать род человеческий, чтобы ее дом всегда был благословлен Господом.

Вместе с мамой никто не живет – все разлетелись из отчего дома. Сама Флора Шмульевна тоже переехала с усадьбы и живет теперь в новостройке, в полностью благоустроенной квартире. Квартира однокомнатная, но места хватает. В одной из антресолей – целая стопка фотоальбомов. В них, как и в каждом семейном архиве, собраны семейные реликвии. Помимо фотографий, у Андреевых хранятся свидетельства о рождении детей, ее свидетельство о браке, ее свидетельство о рождении, выданное в Оренбурге, выписанное на русском языке, но корочка на бланке Таджикской АССР. И фотографии. Их много... Брат Моня... из Таджикистана он уехал вместе с семьей на свою историческую родину, в Израиль. Черно-белые фотографии... это их молодость, Флоры и Петра Тимофеевича. Таких фотографий мало: не было у них времени марафеты наводить и по фотосалонам ходить, а фотоаппарат был не в каждом доме. Зато цветных фотографий очень много: дети, внуки, правнуки, гости, праздники, застолья, с мамой и без мамы. Дочь посылает их из Узбекистана, сыновья – из Ухты, Белоруссии и Санкт-

Петербурга, две дочери живут в Печоре. Здесь, в Кожве, недалеко от мамы, живут еще две дочери и сын. Все работают, у всех свои семьи, дети и внуки. Среди Андреевых есть предприниматели, учителя, завуч школы, заведующие хозяйством больницы, заместитель начальника отделения охраны ПАО «Газпром», водитель, оператор стиральных машин — всех Андреевы вырастили, подняли и вывели в люди. Если составлять родовое дерево от первого поколения — Флоры Шмульевны и Петра Тимофеевича — то получится не много и не мало, а 52 веточки! А теперь пусть завидуют те, кто в молодости «планировал семью», боялся детских пеленок и хотел спокойно спать по ночам.

Мое внимание привлек загранпаспорт. Флора Шмульевна пояснила: «Это я в Израиль летала. Брата уже нет в живых, я летала на его могилку»...

В завершение разговора я спросила у хозяйки: «Если оглянуться назад, о чем вы жалеете?». Не поверите, но она ответила: «Очень жалею, что моя дочь маленькой умерла. Я хотела назвать ее Верой. И были бы у меня Вера, Надежда и Любовь!»

Добавить нечего, но я хочу написать одну только фразу: «Пусть Господь благословит каждый день бытия этой удивительной Женщины!»

Жанна Моргун

**Дом согрет
любовью и теплом**

**Зоя Алексеевна
БАБИНЕЦ**

В НАРОДЕ говорят, что дом начинается за забором. «Дом» не в том понимании, что хата, изба, квартира, коттедж или дворец, а в понимании по сути:

*«Дом у человека, где уют,
Где тепло душевное и ласка,
Где тебя всегда с любовью ждут,
Где живет добро, где мир, как сказка».*

В доме № 6 по улице Набережной в поселке Красный Яг, где живет Зоя Алексеевна Бабинец, именно так: заботливая хозяйская рука видна сразу за забором. Широкая, расчищенная от снега тропинка к крылечку дома, аккуратно уложенные в поленицу расколотые дрова, закрытые сверху от дождя и снега, ступенька крылечка, входная дверь и даже почтовый ящик лучше всяких слов свидетельствовали о том, что в этом доме живут люди хозяйственные и трудолюбивые. В этом доме гостей всегда ждут. Живет здесь труженик тыла Зоя Алексеевна Бабинец.

Я не раз думала о том, что именно слово «труженику» наиболее точно передает тот настрой, с которым жила страна в годы военного лихолетья далеко от линии фронта.

Для Зои Алексеевны «война» – это не просто громкое слово или какая-то историческая веха в истории нашего государства. Это ее детство – безрадостное, трудное, военное, но ее. Ей было всего-то 10 лет, когда началась война. Ворвалась она в каждый дом, в каждую семью... И разделила жизнь на довоенный и послевоенный периоды. В том, первом периоде, остались подруги, родители, школа, интересные книги, игрушки. Первые послевоенные годы были чем-то похожи на военные. Так же работали, не покладая рук, так же жили – почти впроголодь, старались накормить большую страну, которая поднималась из руин. Тяжело поднималась, не было что одеть и обуть, не было учебников и тетрадей, но было главное: был мир. Возвратились домой солдаты-победители. Больше не приходили похоронки, не плакали женщины... Жизнь потихоньку налаживалась.

Военные годы остались воспоминанием. А что могла вспомнить Зоя Алексеевна, кроме работы? Родилась она в 1931 году в деревне Федосеевская, Каргопольского района Архангельской области. Там же и жила, когда началась война. Трудно представить, но они, десятилетние дети, мальчишки, девчонки и подростки – чуть постарше, трудились в колхозе вместе с мамами. Работали наравне со взрослыми, без выходных дней и отпусков, почти без зарплаты. Работа на земле всегда была не для детских рук, но они все смогли. Управлялись с лошадьми, пахали землю, боронили, вывозили со скотного двора навоз на поля и там сами его выгружали. На своих плечах таскали мешки с комбикормами: «Хлеб как доставался? – Сеяли, жали, молотили – все своими маленькими руками». «Все для фронта! Все для победы!» – лозунг такой был. И мы старались, работали, сколько могли, и даже, если не могли, то все равно работали... Теперь вот спина болит, с детства болит, – рассказывает Зоя Алексеевна. – А зимой была другая работа – ездили в лес дрова заготавливать».

И не плакали, что тяжело, не роптали. Просто в свои годы дети и подростки понимали, что надо трудиться. Работой это можно на-

звать условно. Работа – это когда восьмичасовой день с двумя выходными днями в неделю и стабильная зарплата в соответствии с тарифными ставками и гарантированным оплачиваемым отпуском. Для подростков, таких как Зоя Алексеевна, – это неполный рабочий день, с теми же двумя выходными днями в неделю и стабильной оплатой труда и с тем же отпуском. А они именно трудились – за какие-то мифические трудодни, на которые в колхозе им начисляли 5 копеек деньгами и 100 граммов хлеба. Раз в год, осенью, после уборки урожая каждая семья получала заработанное зерно, а денег не видели... Но все равно трудились от зари до зари – колхозная работа не ждет, на полях и на ферме круглый год горячая пора, а те военные и послевоенные годы каждые рабочие руки были на вес золота. И никто не спрашивал, сколько лет этим маленьким «рабочим рукам».

Зоя Алексеевна рассказывает мне свою непростую биографию, а мне кажется, что я кино смотрю. Такой исторический фильм про военные и послевоенные годы нашей страны в середине прошлого века. Но судьба этой маленькой хрупкой женщины – не написан-

ный сценарий, а ее реальная судьба – и она нисколько не преувеличена, а прожита и пережита не только Зоей Алексеевной, но и ее сверстниками и всеми советскими людьми, кто ковал Великую Победу в глубоком тылу. Это был тоже фронт – трудовой фронт. Правда, осознание того, что «Медаль за бой, медаль за труд – из одного металла льют», пришло гораздо позже.

После войны Зоя Алексеевна приехала в гости к старшему брату, Николаю Карелину, который жил в поселке Красный Яг и работал на пилораме местного лесозавода. Приехала, да так и осталась. Брат помог устроиться разнорабочей на пилораму. Хотя и маленького роста была Зоя от роду, но с детства приучена к тяжелому деревенскому труду, она работала в бригаде вместе с другими женщинами: складывала доски в штабеля. Как только освободилось место в детском доме, Зоя Алексеевна устроилась нянечкой. Это был не совсем обычный детский дом. В нем воспитывались ребяташки, чьи мамы были репрессированными и жили здесь же, в поселке, но в лагерных бараках. Через некоторое время Зоя Алексеевна перешла на кухню и работала поваром. После закрытия лагеря детский дом перевели в город Печору и вместе с ним предложили переехать всем его сотрудникам. Зоя Алексеевна осталась в поселке: она была уже замужем, и в семье Бабинец подрастало четверо детей. Не хотелось уезжать с обжитого места.

У Зои Алексеевны я была не один раз. Скажу честно, с такого живописного места, где построен их дом, я и сама не стала бы переезжать. Именно дом, когда соседи живут не за стеной, а на соседнем участке. Рядом с домом – огород и грядки с зеленью. А прямо за

забором – высокий обрыв, и внизу течет Печора. Разная в разное время года; скована льдом – зимой, бурная и полноводная во время ледохода, тихая и ласковая в летние и осенние дни. Горожане ищут такие уютные уголки первозданной природы и готовы платить за это большие деньги. А здесь вот она, почти райская обитель, утопающая в зелени летом, укрыта снегом почти до крыш зимой. И почти что благоустроенная. Скважина с водой прямо во дворе дома, баня, дровяник и хозяйские постройки под одной крышей – с переходом от коридора, через дверь. Куда же отсюда уезжать? Так они всей семьей и остались в поселке.

Зоя Алексеевна опять устроилась работать на пилораму, где и трудилась до 1981 года, до выхода на пенсию. Сейчас уже на заслуженном отдыхе. Но мелких домашних дел хватает. Со всей домашней работой она справляется сама. В доме очень чисто, уютно и тепло. Тепло не только от натопленной печки, но и от той теплоты, которая светится в глазах гостеприимной хозяйки. Хватает этой теплоты детям, а их у Зои Алексеевны четверо. Три дочери уехали в Санкт-Петербург. Живут там и работают, воспитывают детей. Но к маме приезжают очень часто. Не только погостить, но и помочь управиться по дому. Дом уже старенький, и нужно постоянно где-то что-то ремонтировать. Рядом с мамой, в Печоре, живет сын. Все выходные он проводит в Красном Яге, и всю

мужскую работу делает сам. Поэтому-то в каждом уголке подворья такой идеальный порядок, все построено и пристроено по уму, чтоб было комфортно и удобно: даже дрова принесены под навес и уложены в аккуратную поленницу, чтобы мама не ходила за ними на улицу.

Но главное – сама Зоя Алексеевна. Маленькая, худенькая, но настолько подвижная в 90 лет, что хочется пожелать ей оставаться такой же еще долгие-долгие годы...

А она все суетилась, приглашала к столу, старалась напоить чаем. Скажу честно, уходить из этого дома, где нет ничего лишнего, везде идеальный порядок и в каждом уголке чистота и уют, где пахнет вкусным обедом, где тепло печки согревает озябшие руки, а искренность, доброта и гостеприимство самой хозяйки согревают сердце, очень уж не хотелось. Потому что это тот настоящий дом – в полном понимании этого слова.

Жанна Моргул

**Полжизни –
черно-белое кино**

Мария Петровна
БОРОДАКО

ТРУЖЕНИК тыла Мария Петровна Бородако рассказывает про свои прожитые молодые годы, как будто пересказывает сюжет черно-белого кино. Я только удивляюсь, как много мельчайших подробностей помнит она из своего детства и юности.

Родилась она 17 марта 1929 года в деревне Коносаево тогда Самарской, потом Куйбышевской, затем Пензенской, а ныне Ульяновской области – административное подчинение менялось, а деревня как стояла, так и стоит, потому что сельчане держатся за землю, на которой жили от деда-прадеда, и теперь живут.

«Большая деревня у нас была. Более полтысячи человек в ней жили. У всех отдельные дома, хозяйство, возле дома земельные наделы. У нас огород был 50 соток пахотной земли. И всю землю обрабатывали, каждая грядка была посажена и ухожена», – вспоминает свое детство Мария Петровна. «Семь лет мне было, я еще и в школу не ходила, но летом, помню, сидела в огороде и полола просо. Проса сеяли много. Соберем

урожай, натолкнем проса в ступе, мама варит кашу – пшёнку, тот вкус помню и сейчас. А еще с пшениной муки пекли блины», – продолжает Мария Петровна. Я тех лет, конечно, не знаю – родилась на лет тридцать позже. Зато видела, как сеяли и убирали просо, как вязали его в снопы, потом молотили на току, пока все зернышки не высыплются из соломы. Просо сеяла папина старшая сестра, и меня она тоже научала полоть, жать, крутить перевесла и вязать снопы, молотить. Невольно на глаза накапывается непрошенная слеза. Я тоже помню вкус той знаменитой пшёнки, сваренной в русской печке с домашним маслом по рецепту моей тетушки Ани...

«А еще сеяли в огороде лен и конопля», – неспешно рассказывает Мария Петровна. – Конопля высокие, с меня ростом. С конопель и льна ткали ткань и шили рубашки. Я удивляюсь – сейчас наркотики какие-то! Ужас! А еще в деревне сеяли мак. До сих пор люблю булочки с маком. Мак цветет недолго, два-три дня, зато красота какая в огороде, как розово-лиловый ковер! Тогда даже слова «наркотики» никто не знал. Это сейчас так придумали».

И я понимаю, что эта грядочка с цветущими маками, пожалуй, один из немногих цветных кадров в черно-белом кино ее детства. В таком большом селе и колхоз был большой – «Путь к коммунизму». В колхозе были свинофермы, коровники и телятники, птичьи дворы, в округе паслись целые гурты овец. За селом были колхозные поля, где сеяли зерновые, сажали овощи. Еще были сенокосные угодья. Родители Марии работали в колхозе: отец был заведующим фермой, а мама работала в управлении. В каждом сельском подворье было свое подсобное хозяйство. В семье Петра Андреевича и Феодосьи Петровны Захаровых в домашнем хозяйстве были корова, свиньи, овцы, гуси, куры, утки. Дети, а их в семье Захаровых было четверо, с ранних лет помогали родителям: и грядки пололи, и со скотиной управлялись. А еще, как и во всех больших семьях, старшие дети нянчили младших.

Вообще-то Захаровых в Коносаево было почти треть деревни – у отца было девять братьев и сестра, все жили своими

отдельными усадьбами. Строились, обустраивались, рожали и воспитывали детей – кругом одна родня. И я подумала: вот уж если у кого-нибудь свадьбу гулять и всех Захаровых собрать за одним столом, то и гостей, пожалуй, приглашать не надо.

К началу войны Мария Захарова окончила 5 классов общеобразовательной школы, и было ей тогда полных 12 лет. Всех мужчин до 50 лет мобилизовали на войну. Пятерых братьев из семьи Захаровых отправили на фронт. Четверо из них домой не вернулись... В живых остался только один Петр Андреевич.

Сельчане жили и работали в колхозе: надо было кормить фронт. Наверное, «сельчане» сказано громко, потому что в селе остались только немощные старики, дети и женщины, которые почти не снимали черных платков, оплакивая погибших на полях сражений мужей и своих взрослых сыновей.

Сельские подростки, такие как Мария, вязали и отправляли посылками на фронт теплые шерстяные перчатки с тремя пальцами: большой палец, указательный палец, а средний, безымянный и мизинец – вместе, чтобы бойцы могли держать оружие

и стрелять. Посылки посылали на адрес: «Полевая почта» и номер полевой почты, где служили сельчане и откуда родные получали хоть какую-то весточку. Шерсть для перчаток пряли сами, благо в каждом хозяйстве держали овец. Более 10 пар перчаток вязала за месяц Мария, и понимала, что хоть чем-то помогает солдатам на фронте бить ненавистного врага.

После войны Мария пошла работать в колхоз. Никакой работы не чуралась, куда бригадир пошлет, там и трудилась. Работала за трудодни. «Сколько трудодней заработаешь, столько и получишь курам пшенички, – вспоминает она, – а денег нам не давали». Выручало домашнее хозяйство: держали скотину, а мясо возили на рынок в Самару и там продавали. За эти деньги покупали себе лишь самое необходимое: одежду, обувь, сельхозинвентарь.

В 1961 году Мария Петровна поехала навестить брата, который уже работал и жил тогда в Саратовке. Приехала, осмотрелась, да так и осталась здесь на всю жизнь. Познакомилась с Иваном. Он приехал в этот таежный край на лесоразработки, по вербовке из Белоруссии. Мария стала его женой. Видать, надо было ей не остаться в Ленинградской области, где она до этого гостила у сестры, а приехать именно в Саратовку. Наверное, именно здесь ждала ее судьба и женское счастье. Только первые два года после свадьбы молодые жили порознь: Иван Степанович жил в общежитии, куда не мог привести свою жену, так как в комнате вместе с ним жили еще 4 человека. А Мария Петровна уютилась вместе с семьей брата в маленькой однокомнатной квартире, где жили брат с женой, двое их детей и родители жены. А седьмым членом этой большой семьи была Мария. Лишь через два года молодой семье дали квартиру. Одна комната и маленькая кухонька, печка, привозная вода, благоустройства за сараем, зато своя отдельная квартира.

Вскоре в семье родился сын. Так и жили они, сынишка подрастал, а родители работали. Мария Петровна устроилась на работу нянечкой в детские ясли. «Приносили к нам в ясельки шестимесячных карапузов. Мамочки запеленают их, и несут. По времени придут, покормят, и опять бегут на ра-

боту, на лесобазу. А мы с ними сами управляемся: кашку им варили, кормили, пеленали, пеленки стирали. Тогда в «Снежинке» никакого благоустройства не было. Вода привозная, отопление печное, кухня в другом здании, на улицу надо выходить, вместо канализации выгребные ямы, а в группе по 25 – 30 малышей. Всему мы их учили, ко всему приучали. До двух лет они были в ясельках. Привыкнув к нам, домой уходить вечером не хотят, держат нас за подол халата. Детки были спокойные, послушные, не сравнить с теперешними, избалованными. Потом их переводили в группу постарше, а нам опять приносили шестимесячных карапузов», – рассказывает Мария Петровна.

Менялись времена, менялись условия работы, но в профессии «нянечка детских яслей» есть что-то очень родное и близкое. Это то, от чего веет теплыми, как у мамы, руками, свежим парным молоком и спокойным и беззаботным сном, одним словом, нашим детством. Почти до семидесятилетнего возраста Мария Петровна трудилась в ясельках поселка Кожва, работала

без нареканий и замечаний, одни благодарности и грамоты. Это было не черно-белое кино, а уже кино в цветном формате.

Правда, были отдельные эпизоды черно-белые. Это злополучный 1978 год, когда муж шел с работы домой, упал и умер прямо на дороге. Ему было всего-то 42 года. Врачи констатировали инфаркт. Она осталась одна с 14-летним сыном. Рухнули все планы, которые они вместе строили: мечтали переехать в Белоруссию, в Минскую область, на малую родину Ивана Степановича. Даже домик там присмотрели. Мужу оставалось доработать до полного северного стажа всего один год... Сын вырос, ушел в армию. С особой гордостью мама показывает его фотографию и комментирует: «Он служил во Владивостоке, был морским десантником». Сейчас сын с женой и двумя дочками живет рядом с мамой – в соседнем подъезде этого же благоустроенного дома, где с 1982 года живет и Мария Петровна.

Я всегда прошу своих героинь показать семейные фотографии. У Марии Петровны к фотографиям очень бережное отношение. Они все собраны в альбом в хронологическом порядке, начиная от дней ее молодости и заканчивая сегодняшними днями. Большая часть фотографий, как и ее молодые годы – черно-белые, а дальше, где уже дети и внуки, естественно, фотографии цветные.

Жанна Моргун

**Ее биография
в ее стихах**

**Венера Семеновна
БРЕЖНЕВА**

ВЕНЕРА Семеновна Брежнева до 75-летия Великой Победы не дожила совсем немного: ее жизнь оборвалась 26 февраля 2020 года. 18 августа ей исполнилось бы 95 лет...

Родилась Венера Семеновна в городе Коврове Владимирской области, там же прошли ее детские и школьные годы. Ученицей Венера была очень прилежной, все школьные дисциплины давались очень легко. Но больше сего любила она литературу. Много читала и еще в 4 классе начала писать первые собственные стихотворения, которые помещались в школьных стенгазетах. Жили они тогда в частном доме. У Венеры была ученическая тетрадка, которую она никому не показывала. В свободные минуты она забиралась на крышу дома и там, чтобы никто не видел, аккуратным почерком записывала свои стихи в тетрадку. После окончания школы мечтала поступить в Литинститут. Мечта так и осталась мечтой – началась Великая Отечественная война. Венере было почти 16 лет. Пора юности и становления, пора первых встреч, первых чувств нежности и любви...

В 1943 году не стало папы. Венере было уже 18 лет, и она заменила отца – пошла работать на военный завод, на котором был налажен выпуск автоматов Дегтярева. Это оружие ждали на всех фронтах.

О том, как работала Венера Семеновна и такие же, как и она, молоденькие девчонки, она, спустя годы, в 1980 году, написала в своем стихотворении:

* * *

*Отняла война отца-кормильца,
Шёл суровый сорок третий год,
Не могла я продолжать учиться
И пошла работать на завод.*

*Родина оружие ковала,
На борьбу поднялся стар и млад.
На заводе было нас немало
Вот таких молоденьких девчат.*

*Очень трудно было поначалу
Девочкам у фрезерных станков
Долгими отстаивать ночами
По двенадцать тягостных часов.*

*Огрубели пальцы от фрезолы,
До костей нас холод пробирал,
Оставлял кровавые мозоли
На ладошках девочек металл.*

*И вшиваясь, ранила подружкам,
Ссадинами кожу бороздя,
Руки металлическая стружка,
Красоты девичьей не щадя.*

*Голодая, стягивали туже
На спецовках узкие ремни,
А стране наш труд был очень нужен,
Чтоб приблизить радостные дни.*

*«Что сегодня сделал ты для фронта?»
Спрашивал у каждого плакат.
И старались девочки работать
Так, чтоб по две нормы выполнять.*

*Не сломали нас лишения, беды,
И сегодня тем уж я горда,
Что вложила в славную Победу
Хоть частичку своего труда.*

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг» – не единственная награда Венеры Семеновны, но, пожалуй, более значимая среди многих других. Были еще благодарности, грамоты, дипломы, юбилейные медали. В 1970 году ее труд был отмечен еще одной наградой – медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И.Ленина». Все это было уже в той, другой, мирной жизни. А о военных годах остались воспоминания, рассказать о которых Венера Семеновна успела в своих стихотворениях:

Нет любви священной и верней

*В Сыктывкарском клубе «Современник»
Мне пришлось однажды побывать.
Скромные свои стихотворения
Начала с волнением я читать.
А в окошко солнце щедро лило
Яркие лучи – весны нитрихи.
Вдруг девчонка бойкая спросила:
«О любви Вы пишете стихи?»
Славная девчонка, озорная,
Юность так безоблачна твоя!
Только мне припомнилась другая
Молодость – военная, моя.
Ты стоишь, одета, как картинка,
В туфельках на модном каблукке.
Мы ходили в стареньких ботинках,
Купленных на рыночном толчке.
Вся страна войной была объята,
Где-то шли жестокие бои.
Смертью храбрых надали ребята,
Чуть постарше сверстников твоих.
Мы в тылу без устали трудились,
Ожидая светлого денька,
Вчетвером, с подругами, влюбились
в одного простого паренька.
Вечерами в вальсе покружиться
Торопились в молодежный клуб.
В платьях из дешевенького ситца,
Не подкрасив ни ресниц, ни губ.
И кружились стайкой невеселой
Девушки друг с дружкой в поздний час,
Напевала грустно радиола
«Офицерский» и «Солдатский» вальс.
Время шло. Мы ждали терпеливо,
И пришла желанная весна!*

*Пробил час – победный, справедливый -
Кончилась жестокая война!
Только многих мы недосчитались,
С фронта не вернувшихся парней,
Но любовь к ним навсегда осталась...
Нет любви священной и верней!*

После войны Венера Семеновна поступила на годичные фельдшерско-акушерские курсы и в 1946 году по направлению приехала на работу на Север. Так и осталась в Припечорском крае. Сначала работала фельдшером в подразделениях Печлага. Потом была назначена заведующей ФАПом в поселок Красный Яг. Здесь она и встретила свою первую и единственную любовь. Имя Петра Петровича Брежнева, основателя и бессменного директора совхоза «Печора» на протяжении более 50 лет, до сих пор с теплотой вспоминают жители Красного Яга. Потом семья переехала в город. Венера Семеновна работала старшей медсестрой Печорской ЦРБ.

Вся ее послевоенная трудовая биография неразрывно связана с медициной. Но где бы она ни работала, всегда писала стихи – искренние и по-женски нежные. В них она рассказывала обо всем, что было дорого и мило ее душе. Как нить воспоминаний, через всю ее творческую жизнь проходит тема Великой Отечественной войны.

Фронтовые медсестры

*Гимнастёрки надев вместо платьев,
Из распахнутых, отчих ворот,
Из родных материнских объятий
Уходили девчонки на фронт.*

*В сорок первом вручали повестки
Им с мужчинами наравне.
Юным, милым, наивным по-детски,
А выросли они на войне.*

*В санитарных частях, в медсанбатах
И на самом переднем краю
Фронтowe медсёстры – девчата
Проявляли отвагу свою.*

*Под бамбёжкой, под шквальным обстрелом,
В дождь и в снег, в непроглядную ночь
Добирались до раненных смело
С неизменным стремлением: помочь.*

*И откуда вы черпали силы?
До сих пор невозможно понять.
Сотни раненных вы выносили
На себе из шального огня.*

*Прикрывая от пуль своим телом,
И просили чуть-чуть потерпеть,
А в глаза вам надменно глядела
Из огня беспощадная смерть.*

*В поездах, в госпитальных палатах
Стойко вы выполняли свой долг,
День и ночь, помогая солдатам,
От усталости падая с ног.*

*Помогали хирургам с усердием,
Отдавали бойцам свою кровь.
И великим своим милосердием
Заслужили большую любовь.*

*Тани, Клавы, Наташи, Полины...
Сколько вынесли вы и смогли!
И от Волжских степей до Берлина
По-геройски с боями прошли.*

*Но не все вы вернулись живыми.
У горящего вечно огня
Обелиски стоят часовыми,
Память павших героев храня.*

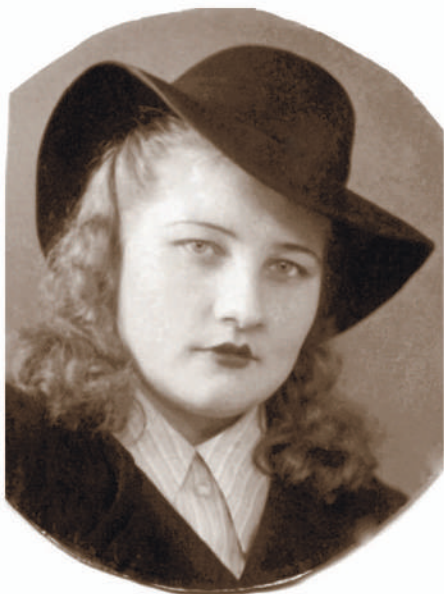
Она прожила красивую и достойную жизнь, многое повидала, еще больше пережила. Вместе с мужем они воспитали 4 детей. Сегодня с теплотой и любовью о бабушке вспоминают 6 внуков и 11 правнуков. В 2016 году в МУП «Издательство «Печорское время» вышел в свет авторский сборник стихотворений Веныры Семеновны Брежневой «Сокровенное». Память о ней останется жить в каждой строчке ее стихотворений.

Жанна Морзун

**Пусть за нее
расскажут документы**

**Прасковья Афанасьевна
ВЕРШИННИНА**

МЫ СИДЕЛИ в небольшой по-домашнему уютной комнате. Я удобно уселась на табурете, Прасковья Афанасьевна – напротив меня, в мягком кресле. Ее дочь, Зоя, служила маминим незаменимым рассказчиком. Сама Прасковья Афанасьевна мало что помнит в свои полных 92 года. Поэтому Зоя достала все мамины документы, а сама хозяйка только уточняла отдельные записи.

Я попробую рассказать историю этой удивительной и интересной женщины, которая до апреля месяца 1942 года жила в блокадном Ленинграде. Женщина с непростой, но очень интересной и красивой судьбой.

Среди ее документов, помимо удостоверений и наград, как «Жителя блокадного Ленинграда», есть еще удостоверение народного заседателя Печорского городского суда, коим она являлась на протяжении многих лет. Не так просто «являлась». Она была грамотным и дипломированным народным заседателем, так как успешно окончила курс обучения на факультете народных заседателей Всероссийского Народного университета, и получила обще-

ственную профессию «Правоведение». И самое интересное в этой истории то, что в здании, в котором сегодня живет Прасковья Афанасьевна, ранее был Печорский городской суд. Потом суд переехал на улицу Спортивную, а здание на улице Московской было перепланировано под жилой дом, в котором квартиры с большими окнами и высокими потолками. На втором этаже, в квартире № 4 и живет семья Вершининых.

Сама Прасковья Афанасьевна многое уже забыла, многое не помнит, но она сохранила все удостоверения, дипломы, справки, трудовые книжки, членские билеты, корочки, и теперь ее биографию рассказывают эти документы. А она дает лишь некоторые пояснения.

У меня в руках справка без печати и штампа. И даже без подписи этого самого управляющего хозяйством. Сегодня такую справку признали бы «Филькиной грамотой», и пришлось бы искать лет этак 5-6 и приносить еще штук десять бумажек, чтобы подтвердить подлинность этого документа. А это и вправду документ: отголосок 1949 года: «Справка дана Семеновой Праск.

Афан. в том, что она с 1938 года проживала по ул. Мира дом 24 кв 4 совместно с матерью Васильевой Дар. Дим. Которая умерла 24/ XII-41 года, а Семенова П.А. выбыла в 42 году факту неизвестно куда. В 1942 году этот дом 24 попал на слом. Справка дана для предст. В РФО 28/VII-49/ Управляющ. х-вом Дадонова». Кстати, та ленинградская квартира, тоже № 4, тоже была на втором этаже двухэтажного дома. Но в этих скупых, написанных чернилами нескольких строчках, вместились почти все детские годы самой Прасковьи Афанасьевны.

Из записи в паспорте достоверно известно, что родилась она 01 ноября 1928 года в деревне Шарапова Горка Любытинского района Новгородской области. Дальше 10 лет своего детства Прасковья Афанасьевна не помнит. Я могу только предположить, что к 1938 году, а именно с этого времени семья уже жила в Ленинграде, она успела окончить 3 класса начальной школы. До начала войны еще три года она училась в одной из школ Ленинграда. И училась очень хорошо. Это я сужу по тому, как красивым, каллиграфическим почерком, очень грамотно, с вензельными прописными буквами, делала она дарственные надписи на фотографиях своим друзьям. Одна такая фотография, датированная 1950 годом, чудом сохранилась в семейном архиве Вершининых...

Прасковья Афанасьевна – поистине удивительная женщина. Когда я спросила, помнит ли она свое блокадное детство, она ответила: «Я уже ничего не помню. Все как-то забылось». Но многое

помнит ее дочь, которой она ранее рассказывала про ленинградскую блокадную зиму 1941-1942 года.

Знаете, я не хочу ворошить прошлое. И если Прасковья Афанасьевна не помнит, значит, она этот ужас забыла. Значит, ничего она вспоминать не должна, и ворошить эти страницы не надо. Не надо ничего спрашивать. Это и хорошо, что она почти все забыла. Она не жила всю свою жизнь, оглядываясь назад и вспоминая тот, блокадный, Ленинград. Она просто жила настоящим и смогла прожить красивую и достойную жизнь. А если в ее памяти еще остались какие-то пазлы из ее военной поры, то не надо их беречь... Пусть за нее говорят документы.

В приведенной выше справке точно указана дата смерти ее мамы, Васильевой Дарьи Дмитриевны: 24 декабря 1941 года. Маленькая девочка осталась одна. Но то были другие годы и другое время. Паню, как ее ласково называла мама, соседи забрали к себе. Но и они продержались недолго: не пережив холода и голода, умерли той же зимой... Паня осталась одна во всем большущем двухэтажном доме и на всем белом свете.

Кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы не военврач. Именно в доме № 24 по улице Мира он разместил госпитальные палаты, так как из всех жильцов там проживала только одна маленькая девочка, Паня. Из всего кошмара своего детского сиротства Прасковья Афанасьевна помнит только лежащих раненых бойцов Красной Армии, которых она поила водой. Потом этот же военврач сказал Пане, что одна она здесь пропадет. Именно он похлопотал перед своим начальством, и Паню забрали в детский приемник-распределитель. Вскоре ее

перевели в детский дом. В апреле 1942 года по Ладоге, по Дороге Жизни, в кузовах грузовых автомобилей воспитанников детского дома вывезли до какой-то железнодорожной станции и поездом отправили в эвакуацию в Краснодарский край.

Так они и жили больше года большой и дружной детдомовской семьей. Потом Паня вместе с подружкой уехала в город Майкоп. Девчонки поступили на шестимесячные курсы ФЗО и получили профессию каменщика, о чем им были выданы соответствующие аттестаты.

Эта пожелтевшая от времени корочка до сих пор бережно хранится среди других документов Прасковьи Афанасьевны. Я прочитала его с нескрываемым интересом. На одной из страниц информация следующего содержания: «Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 02 октября 1940 года: «О Государственных Трудовых Резервах СССР». ...10. Установить, что все окончившие Ремесленные Училища, Железнодорожные Училища и школы Фабрично-Заводского Обучения считаются мобилизованными и обязаны отработать 4 года подряд на государственных предприятиях, по указанию Главного Управления Трудовых Резервов при

Совете Народных Комиссаров СССР, с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях». Досадно, что сегодня, после окончания учебных заведений, никто не обязан «отработать на государственных предприятиях». В этом и кроется одна из причин некомплекта тех же медицинских кадров. Но это я так, к слову...

Отдельное место занимает удостоверение о награждении Прасковьи Афанасьевны нагрудным знаком «Почетный донор СССР». Рядом – благодарность от Министра здравоохранения Коми АССР, Президиума Республиканского комитета Общества Красного Креста Коми АССР и Республиканской станции переливания крови. Всю свою трудоспособную и полноценную жизнь она была донором. Постоянно сдавала кровь, спасая тех, кому нужно было переливание крови. Она даже не знает, скольким людям она помогла выжить. Она считала и считает это самым обыденным делом.

В трудовой книжке Прасковьи Афанасьевны самая первая запись сделана 9 октября 1944 года: «Принята на должность каменщика согласно наряда гострудрезервов из школы ФЗО». И никто не спрашивал, есть уже 18 лет или будет только через два года? И, поверьте, это не подмести в классе после уроков: «Какое вы имеете право меня заставлять работать, а техничка на что? Я знаю, куда жаловаться!». Это работа в «Стройуправлении № 5» с полным рабочим днем. Потому что где-то там, на далеком Западе все еще гремела война...

Этих записей в трудовой книжке было не так уж и много, большую часть страниц занимают поощрения, премии и благодарности. Среди них, присвоение звания «Ударник коммунистического труда». В 1981 году Прасковье Афанасьевне была вручена медаль «Ветеран труда». В положении о медали сказано: «Медаль «Ветеран труда» носится на левой стороне груди и располагается после медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» И этому по возрасту еще детскому «труженику тыла» было всего 16 лет. Но для войны это было уже много.

Из дальнейшей биографии известно, что в 1946 году Прасковья Афанасьевна вернулась в Ленинград. Работала на фанерном заводе, в ОРСе Подборовского леспромхоза, в Волховстроевском отделении Кировской железной дороги.

В 1957 году в трудовой книжке Прасковьи Афанасьевны сделана еще одна запись: «Печорская макаронная фабрика. Принята на строительство каменщиком». С этой записи отсчитывается печорский период в жизни Вершининых. Больше записей «Принята...» в трудовой книжке Прасковьи Афанасьевны нет. Есть только записи: «Переведена...», «Присвоен разряд...»

Именно в Печоре ее жизнь была самой счастливой. Здесь она вышла замуж. Отметку об этом можно почитать на обратной стороне обложки той же трудовой книжки: «Фамилия Семенова изменена на фамилию Вершинина на основании Свидетельства о браке (серия, номер), выданного Печорским Городским ЗАГС 8 августа 1978 года. Отв. по кадрам (подпись)»

В семье родились двое ребятшек: сын Виталий и дочь Зоя. Родители работали, дети ходили сначала в детский сад, потом в школу. Семья жила так же, как и другие печорские семьи, может не в роскоши, но все у них было. Была своя квартира, правда в бараке, зато рядом с макаронной фабрикой, где работала Прасковья Афанасьевна. А в 1986 году они получили там же, на макаронке, двухкомнатную благоустроенную квартиру.

Здесь же, в отделе кадров Печорской макаронной фабрики, в ее трудовой книжке сделана и последняя запись: «Уволена в связи с выходом на пенсию по возрасту». Было ей тогда всего-то 60 лет, как считали бы чиновники сегодня, «серебряный возраст». Больше Прасковья Афанасьевна Вершинина не работает. Она на заслуженном отдыхе.

Сказать «на пенсию» – было бы не правильно. Потому что на пенсию она вышла еще в марте 1979 года. Ей была назначена пенсия «пожизненно», и сумма выплаты составляла 120 советских рублей. Это я знаю точно, потому что та, первая, пенсионная книжка тоже хранится среди документов. По-моему, это была чуть ли не максимальная пенсия, которую тогда платило государство. После этого она проработала еще 10 лет...

Прошли годы, дети выросли. Сын отслужил срочную службу в рядах Советской Армии. Служил во Владивостоке в пограничных войсках. После службы вернулся в родную Печору, женился. У него четверо детей.

Дочь Зоя, она всегда была как-то ближе к маме. Когда умер отец, Зое было всего 5 лет. Мама осталась одна, и она не старалась как-то устроить свою личную жизнь, не до того было: надо было поднимать детей. Она работала, работала и работала, чтобы ребятишки ни в чем не нуждались, чтобы все у них было, как и у других детей. А Зоя всегда была маминой помощницей. Свою дочь она уже давно воспитала, вышла на пенсию, и теперь живут они с мамой вдвоем. Квартиру поменяли: переехали с макаронной фабрики на улицу Московскую. Всегда ждут в гости детей, внуков и правнуков. А их у бабушки Пани немало: шестеро внуков и трое правнуков. Гостей, даже незваных, они никогда не выставят за порог. Усадят поудобней в небольшой, по-домашнему уютной комнатке, и постараются ответить на все вопросы, с которыми к ним пожаловали, за что я им искренне благодарна.

Жанна Моргун

**Родину
не выбирают**

***Роза Рафаиловна
ГАРДЕР***

Мой РАССКАЗ о Розе Рафаиловне Гардер. Родилась она 4 июня 1941 года. Ее родители Рафаил Экрот и Елизавета Вагнер были от деда-прадеда немцами по национальности. Не фашистами, а именно немцами, которые жили в царской России с тех Екатерининских времен, с 17 века, когда императрица своим высочайшим указом разрешила им приехать в Россию и Малороссию и жить в государстве, пользуясь всеми правами.

Жили они преимущественно в селах: работали, не покладая рук, пахали землю, держали скот. А еще они покупали за границей (в той же Германии) сельскохозяйственные машины, которых в те годы в России не было. Первые мельницы, сепараторы, механические плуги, сенокосилки появились именно в немецких поселениях. Они строили добротные и просторные дома. Строили не «на время», а на века, чтобы хватило им и их детям. Они обустроивали хозяйские дворы: амбары, сараи, сеновалы, даже заборы были выстроены ровненько и аккуратно так, чтобы было красиво и удобно. Они были хозяевами, их хозяйства в этих поселениях были крепкими и зажиточными. Чего-чего, а еды всегда хватало вдоволь.

В каждом таком селе была церковь – немцы были глубоко верующим народом. Обязательно была школа – немцы старались дать своим детям достойное образование. В семьях разговаривали на родном немецком языке. Так и жили немцы, пока не началась Великая Отечественная война. В село Блюменфельд Тилигуло-Бережанского района Одесской области пришли фашисты...

Справка, выданная старшему брату Розы Рафаиловны Иосифу Архивом города Николаева (Украина) еще в 1996 году, подтверждает то, что семья Экрот с 1941 года по 1944 год проживала на временно оккупированной немецкими войсками территории. В 1944 году семья отступавшими фашистами была насильно вывезена в Польшу.

О том, как жили в оккупации, маленькая Роза не помнит. В памяти, как отдельные пазлы, только картины из 1944 года, когда фашисты вывозили их, обрусевших немцев, в Германию. Но сложить целую картинку, из этих отдельных воспоминаний, у Розы Рафаиловны не получается. Потому что тогда было очень страшно. Стреляли со всех сторон: Советская Армия старалась выбить фашистов из занятых приграничных территорий, а те – стояли насмерть. Больше всего натерпелись мирные жители, в том числе и пленные немцы, которых фашисты гнали на Запад, зачастую прикрываясь ими, как живым щитом...

В 1945 году Экроты были репатриированы в СССР. Но немецкая семья, которая была в оккупации, а потом вместе с отступавшими фашистами попала на землю Польши, для спецслужб была очень «неблагонадежной». В соответствии с директивой НКВД СССР №181 от 11.10. 1945 года, как лиц немецкой национальности, всех Экротов оправили на спецпоселение в Кожвинский район Коми АССР. В том победном году маленькой Розе исполнилось всего-то 4 года, старшей, Екатерине, было 6 лет. Но их сослали вместе с мамой и старшим братом, как «лиц немецкой национальности» – этого было достаточно для вынесения обвинительного заключения даже маленьким детям.

Как ехали в этот Северный и суровый край, Роза Рафаиловна помнит плохо. Достоверно знает только то, что везли их, немцев, по железной дороге в товарных вагонах, в которых было так гряз-

но, как будто в них раньше перевозили коров или телят, а убрать и помыть чисто то ли забыли, то ли не до того было.

Семья Экрот попала в Яран-Курью. Переселенцы занимались заготовкой древесины. Мама и старший брат ходили в лес на работу, а дети оставались дома. Что помнит Роза Рафаиловна, так это большущий в ее детском восприятии барак, в котором жили все репрессированные. Это было не общежитие с отдельными, на каждую семью, комнатами. Это было одно огромное здание, просто у каждой семьи был свой уголок, отгороженный какой-нибудь занавеской или ширмой.

О том, в каких условиях они тогда жили, Роза Рафаиловна не может вспоминать – слезы сами по себе катятся из глаз. И я понимаю, что это та еще, детская невыплаканная боль. В этом бараке детям постоянно было холодно. Суровая длинная зима с трескучими морозами, снегами и вьюгами, нисколько не напоминала климат Одесской области с теплым летом, морем и курортом, и зимой, когда дети, зачастую, и снега не видели. Пока мама и старший брат были на работе, дети сидели возле печки и подбрасывали дрова – так и грелись. Одежды зимней, как и обуви, у них не было. А те

вещи, которые они привезли с собой, не могли защитить от холода. Было еще и голодно. В таких условиях трудней всего приходилось детям. Они очень часто болели. Многие ребятишки умирали. В поселке Красный Яг есть самое страшное в Республике Коми кладбище: ровненькими рядами холмики... На многих из них уже нет крестов, просто заросшие мхом и травой небольшие бугорки, и под каждым из них – умерший в застенках Печлага ребенок...

Но они смогли выжить даже в таких нечеловеческих условиях. И при этом сохранили в своей душе доброту, веру в справедливость и, что меня больше всего поразило, любовь к Родине. Потому что Родину не выбирают. Даже если она жестокая и несправедливая, она все равно твоя Родина. Уже после 1992 года Гардеры могли бы уехать в Германию, где у них есть родственники и знакомые, которые помогли бы устроиться на новом месте, так сказать, на исторической родине. Но этот суровый Печорский край, в который волей судьбы они были сосланы 75 лет тому назад, стал неотъемлемой частью их жизни. Точнее сказать, все сознательные годы Розы Рафаиловны связаны с поселками Красный Яг и Озерный. Здесь она росла и училась, здесь встретила свою судьбу. В капи-

тана катера треста «Печорлесосплав» Петра Петровича Гардера нельзя было не влюбиться. В 1963 году сыграли свадьбу. Вскоре в семье родился малыш. Когда старшему было 5 лет, мама принесла из роддома еще одного сынишку. Жили, работали, воспитывали детей. Беда пришла, откуда не ждали: в 1974 году от сердечного приступа умер Петр Петрович. Роза Рафаиловна осталась вдовой... Работала с дошкольных учреждений, поднимала и учила детей. 34 года отработала воспитателем детского сада. Теперь на заслуженном отдыхе. Так и живет она одна. Хотя, нет, не одна она вовсе. Сыновья живут в том же Озерном. А еще у бабушки есть 4 внука, две внучки и правнучка.

18 марта Розе Рафаиловне, как несовершеннолетней узнице, глава сельского поселения Озерный Константин Юрьевич Хохлов вручил юбилейную медаль «75 Победы в Великой Отечественной войне» и букет роз. А она расплакалась. «Уже сама хотела по интернету заказать себе медаль, – говорит Роза Рафаиловна. – Это же наша Победа, наша память и наша история. Такая медаль обязательно должна быть в каждой семье».

Жанна Моргун

**И прожито немало,
и пережито много**

**Глафира Николаевна
ДЕНИСОВА**

ГЛАФИРА Николаевна Денисова о войне вспоминать не любит. Возможно, не все помнит, что и как было в те трудные военные годы. Мне кажется, ей просто тяжело ворошить в памяти пережитое. Именно так, не прожитое, а пережитое.

Хотя и прожила она немало – кукушка уже отсчитала полных 90 лет. Но пережила Глафира Николаевна гораздо больше. Коллективизация, индустриализация, строительство коммунизма, Великая Отечественная война, продуктовые карточки, восстановление народного хозяйства, развал некогда мощнейшего в мире государства – Советского Союза, дефицит, длиннющие очереди и талонная система, становление Российской Федерации... Судьба каждого гражданина неразрывно связана с судьбой своего Отечества. Любые потрясения в политической и экономической жизни страны неминуемо накладывают свой отпечаток на судьбу каждого человека, даже если ему всего-то 12 лет от роду.

Именно столько было Глаше Артеевой, когда началась Великая Отечественная война. Жила она в деревне Усть-Кожва. В добротном и просторном доме, который еще задолго до войны, в 1937

году, отец построил своими руками, было тепло и уютно. Отец купил этот дом в деревне Каменке, у поволжских немцев. Потом сам разобрал его на венцы, смолой подпisał и пронумеровал каждое бревно. Весной, по большой воде, сплавил этот сруб в Усть-Кожву, и так построил дом.

Жить бы да жить, но началась война. Тогда она не была Великой Отечественной. Это было левитановское: «Фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на нашу страну...» В июле месяце всех деревенских мужиков забрали на войну. В деревне остались старики, женщины и дети. Только понятие «дети» в одночасье сместилось на 5-6 лет, потому что детство закончилось сразу после того, как мамы заменили ушедших на фронт отцов на всех колхозных и хозяйственных работах, а чуть-чуть подросшие ребятки перестали бегать, резвиться и играть – они, не по возрасту рассудительные и серьезные, как-то вдруг стали взрослыми.

Глаша по понятиям военного времени тоже была «взрослая». С 1941 года по 1945 год трудилась она в колхозе на разных работах. Потом ее взяли на колхозную ферму. «Мама была дояркой, а иначе бы я не попала туда», – вспоминает Глафира Николаевна.

Сначала она помогала на скотном дворе – подвозила сено. Потом, через некоторое время, ее перевели сторожем в тот коровник, где коровы телились. Как только корова начинала топтаться и переступать с ноги на ногу, Глаша понимала, что «уже начинается». Возможно не до конца осознавая, что именно «начинается», она бежала в деревню, будила доярку, за которой была закреплена эта буренка, и уже вместе они помогали маленькому теленку появиться на свет. Это ночью, во время дежурства. А днем Глаша помогала маме по хозяйству, по дому, в огороде – всему с детства научена, с любой, даже с мужской, работой справлялась. Семья была большая, у Глаши было еще три брата. Но в войну не голодали. «Жили сытно, – говорит Глафира Николаевна. – У нас была своя корова. И картошки сажали много. Да и лес выручал, грибы и ягоды всегда были на столе».

Конечно, детей по-своему жалели. Если приходила в деревню похоронка, ребятишек с корзинами отправляли в лес за грибами, а уж тогда бабы голосили, стараясь сразу выплакать свою боль. А потом уже плакали тихо, украдкой, чтобы дети не видели этих горьких вдовьих слез. Глафира Николаевна вспоми-

нает, что белых грибов тогда почему-то не собирали. Не знали, наверное, что они съедобные и самые вкусные. Росло их тогда очень много, и росли они везде, в каждом лесочке, но собирали в основном подосиновики.

Весть о том, что фашист разбит и война закончилась, узнали из большого и круглого громкоговорителя; радио в деревне в те годы было. Как приняли весть о Победе? «Плакали все, – говорит Глафира Николаевна, – потому что мужики ушли на войну, а домой уже не вернулись».

Всей деревней плакали тогда женщины: когда провожали мужчин на фронт, когда в какой-то дом приходила похоронка... И совсем неважно, что в этот день горе постучало не в твои двери – беда тогда была общей – Великой, одной... на все Отечество ее хватило. Плакали после того, как узнали о Победе. Доля, что ли, такая женская: ждать и плакать. Только горе свое и боль из сердца до последней капельки не выплакать. Остаются они на долгие годы. Потому что есть еще память: вспомнишь и всплакнешь. Есть еще ответственность за осиротевших детей, которых надо учить, воспитывать и выводить в люди. И женщины смогли, нашли в себе силы, чтобы поднять из руин страну и восстановить разрушенное народное хозяйство.

В 1946 году Глаше Артеевой из района принесли повестку, и поехала она учиться в Воркуту – в ремесленное училище. «Целый состав нас увезли, – вспоминает Глафира Николаевна. – Я попала в группу слесарей по ремонту шахтного оборудования. Нас было 11 групп, и в каждой группе по 29 человек».

Два года учебы пролетели незаметно. Глафира Николаевна вспоминает, что ей нравилось учиться: «Одевали и кормили нас хорошо, учили очень хорошо». Потом был выпуск. Прощались не просто с ремесленным училищем, прощались со своей юностью. Тогда выпускники училища обязаны были по распределению отработать три года на той шахте, куда их направят.

Так она осталась в Воркуте и отработала намного больше. «В Кожву приехала в том году, когда Гагарин в космос полетел», – продолжает свой рассказ Глафира Николаевна. Приехала не Артеева, а уже Денисова. В Воркуте нашла свою судьбу. Николай Ива-

нович работал на той же шахте, что и его суженая. В 1962 году в их семье уже подрастало трое ребят-шпек. В поселке Кожва, куда они тогда переехали, им дали трехкомнатную квартиру. Ребята ходили в детский сад и в школу, а они работали. Муж работал механиком, а она – машинистом холодильного оборудования ОРСа. Там и до пенсии доработала. Но еще долгие годы продолжала трудиться на разных работах и все это время помогала детям. «Мама для нас прожила. Для нее, прежде всего, были дети», – говорит о своей маме дочь Галина.

Со временем Глафира Николаевна вернулась в деревню Усть-Кожву, в родительский дом. Дети были уже взрослые, все работали. Все вместе помогли: отремонтировали дом, поставили баню, привели в порядок хозяйские постройки.

Две дочери и два сына выросли в семье Денисовых. В живых сегодня остались только дочери. Несмотря на то, что живут они далеко от отчего дома, Галина в Санкт-Петербурге, а Любовь – в Орле, маму одну не оставляют – живут с ней по очереди. А она из деревни никуда уезжать не хочет. Потому что здесь и солнце теплее, и небо ласковее. А земля – вот она тут, прямо под ногами. Конечно, тяжело те же дрова заготовить на зиму. Но дети помогают, покупают столько, что их на всю зиму хватает. Воду носят из колодца. Далековато, правда, но свою скважину уже не выкопать – и дорого, и хлопотно. Когда была моложе, вода не была проблемой. Сама носила, и это было ей не в тягость.

Но Глафира Николаевна на свою жизнь не жалуется. Живет тихо и скромно, рядом всегда кто-нибудь из дочерей. Не знает, сколько ей еще накукует кукушка: может, год, может, два. А, может, и до ста лет доживет она, кто же это знает?

Жанна Моргун

Три года в оккупации

*Антонина Алексеевна
ЖЕГУНОВА*

Когда началась Великая Отечественная война, Тоне Ивановой было 14 лет. Она успела окончить начальную школу, куда ходила вместе с подругами в соседнее село, за 4 километра. Ходили пешком в осенние дождливые холодные дни, в зимние метели, в распутицу, когда весной таял снег. В родной ее деревне Сорokino Карамышевского района Псковской области школы не было. Казалось бы, 14 лет – самая прекрасная пора юности: первые серьезные чувства, мечты и планы на будущее...

Не суждено было сбыться тому, о чем мечтала она с подружками – в июле 1941 года деревню оккупировали фашисты. Тоня хорошо помнит тот день: «Накануне пришло сообщение, чтобы все жители из села эвакуировались вглубь страны. Мы всей семьей собрали самое необходимое, положили все на телегу, и поехали. Проехали несколько километров, и вернулись обратно, домой. А куда ехать? Наутро проснулись, а в деревню уже немцы прикатили на мотоциклах», – вспоминает сегодня Антонина Алексеевна Жегунова. Так началась совершенно другая жизнь: выживание в оккупации.

Немцы сразу же разделили колхозные поля. Два года каждая семья обрабатывала свой надел, а урожай приходилось отдавать захватчикам. В селе был назначен староста. Сколько и каких продуктов давать на немецкую кухню, решали на деревенском сходе. «Яйца, молоко, курей фашисты забирали силком: лазили везде, по сараям, по амбарам, по чердакам, и если находили что-то припрятанное, забирали без лишних слов. А кому ты жаловаться будешь, они же власть».

Тайком сельчане помогали и партизанам, которые базировались в соседних лесах. Им продукты отдавали охотно и в гораздо большем количестве. Еду собирали тайком, и ночью партизаны увозили все собранные припасы в лес. Брат Антонины Алексеевны, 1925 года рождения, до войны успел окончить педагогическое училище. На фронт не взяли, так как ему еще не было 18 лет. Он ушел в партизанский отряд. Родным сообщили только то, что погиб он в декабре 1943 года. В марте 1944 года деревня Сорокино была полностью освобождена от фашистов. Но где могила брата, никто не знает до сих пор.

В конце 1943 года, то ли от холода, то ли от голода, то ли от безысходности и предчувствия скорого перелома в ходе войны, немцы стали массово жечь оккупированные деревни, оставляя после себя выжженную пустыню. В деревнях, как в Хатыни, оставались только печные трубы...

Жители Сорокино не сдавались и не уходили с обжитых мест. По ночам тайком они копали землянки и прятались в них. Но фашисты стали забрасывать эти убежища гранатами. Антонина Алексеевна вспоминает, что ее старшая сестра с двумя маленькими детьми выжили только потому, что ночь ночевали в землянке, а весь день прятались у реки под обрывом. Одному ребенку было 5 лет, а второму исполнилось лишь 2 годика. Сидели, тесно прижавшись к маме, и боялись даже пошелохнуть. Немцы их не нашли...

Тоня отыскала себе другое убежище: рядом с соседней деревней Саёво протекала речка. Фашисты пуше глаза охраняли мост через реку, так как он был той единственной транспортной артерией, по которой драпали на запад их недобитые воинские подразделения. Сельчане выкопали себе землянку совсем рядом с враже-

ским сторожевым постом и прятались от немцев под самым носом оккупантов. По ночам можно было слышать их непонятную речь. Но искать беглецов в километре от будки своих же охранников фашистам даже не приходило в голову.

Была Тоня и в так называемом фашистском трудовом лагере. Помнит только то, что за колночей проволокой их, молодых парней и девчат, согнанных со всей округи, удерживали силой, кое-как кормили, работать не заставляли. Охранник лагеря, эстонец по национальности, пожалел Тоню: она была очень уж маленькая и хрупкая, совсем еще ребенок. Он дал ей пропуск, аусвайс, и помог бежать из лагеря. Тоня потом догадалась, что немцы таким образом собирали молодежь для отправки на принудительные работы в оккупированные страны Европы, проще говоря, в неволю и фашистское рабство.

Как только Сорокино освободили части Красной Армии, все, кто остался в живых, стали возвращаться домой, хотя и домов-то не было. Первым делом старались оборудовать какой-то ночлег, а днем уходили в колхоз на работу — земля не ждала, надо было пахать поля и сеять хлеб. Антонина Алексеевна вспоминает: «Лошадей в колхозе не было, а мы совсем молодые девчонки — кому 16, а кому уже и 18 лет, пахали колхозные поля на себе: четверо тянули плуг, а пятая этим плугом управляла»...

Трудно представить себе такую картину, а уж, тем более, невозможно провести какую-нибудь параллель с сегодняшними ровесниками тех послевоенных девчонок. Их, изнеженных и избалованных, учителя сегодня не имеют права попросить вытереть пыль или вынести мусор.

Сороковые годы прошлого века — время грандиозного послевоенного восстановления народного хозяйства. Все, что разрушили фашисты, надо было убрать, отремонтировать, заново отстроить. В 1944 году Тоня работала в составе молодежного отряда, который трудился на восстановлении участка железнодорожной дороги Москва — Псков. Эта дорога проходила через станцию Карамышево. Всю насыпь, взорванную партизанами и разбомбленную вражескими «Юнкерсами», парни и девчата отсыпали, вручную таская землю носилками. Вечером падали на свои постели. Каза-

лось, только успевали задремать, надо было снова вставать и идти на работу... «Это я не кино рассказываю. Так было на самом деле», – говорит Антонина Алексеевна. А я смотрю на ее руки и думаю: «Сколько работы пришлось переделать этим натруженным рукам? Тяжелой, мужской работы». И никто в те годы не спрашивал и не интересовался, какая будет «зарплата» или «какой почасовой тариф». После войны и слов таких не знали. Это сегодня держава, утопая в горах мусора, который некому убрать, платит пособия по безработице. А тогда даже за поистине каторжную работу колхозникам просто записывали трудодень, а на стройках кормили и организовывали сон. О воспитании патриотизма наставлениями, лекциями и беседами – разве могла в 40-е годы прошлого века кому-нибудь прийти в голову такая бредовая мысль? Не надо было воспитывать, потому что каждый готов был отдать свою жизнь за Великую Победу. Каждый старался вложить хоть частицу своего труда, работая в глубоком тылу, на полях и фермах, на заводах и фабриках, приближая ее великий день. Каждый самоотверженно трудился, чтобы отстроить свою державу так, чтобы она стала лучше, чем была до войны. А это есть суть патриотизма, не на словах, а на деле.

В 1949 году Тоня Иванова вышла замуж. Ее муж, Иван Федорович Жегунов, жил в той же деревне Сорокино. Официально свой брак молодые зарегистрировали лишь спустя два года, когда в их семье на свет появилась маленькая дочурка. Можно было бы жить и так, но тогда ребенку в свидетельстве о рождении записали бы фамилию мамы: Иванова. Спустя четыре года старшей сестре папа с мамой «купили» братика.

Когда дети подросли, всей семьей Жегуновы поехали навестить папиного брата, который был сослан в Печорлаг, и после окончания срока остался жить и работать в Саратовке. Приехали погостить, да так и прижились в этом суровом таежном краю на всю свою оставшуюся жизнь. В 1961 году в их семье родился еще один сын. Иван Федорович работал на лесобазе водителем, машинистом спецтехники, трактористом на такелажном складе. Одним словом с техникой был на «ты» и всю жизнь проработал механизатором.

Дети подрастали, Антонина Алексеевна устроилась на работу в поселковую котельную. Сначала, когда котлы топили твердым топливом, она работала зольщиком (от слова зола). Как только освободилось место, она перешла работать оператором котельной. Работу не меняла. Так и проработала в котельной до самого выхода на пенсию. Хотелось бы написать: жили они долго и счастливо, но в 2000 году Ивана Федоровича не стало. Антонина Алексеевна овдовела.

Сейчас она давно уже на заслуженном отдыхе. Дети выросли, все трое живут в поселке, который стал для них родным. Бабушку радуют 6 внуков и 9 правнуков – такая вот большая семья Жегуновых. Так что бабушка никогда не чувствует себя одинокой. А пережитое ворошить ей не хочется: «Зачем лишнее вспоминать? Все уже прошло...».

Жанна Морзун

**Мозаика
прожитых лет**

**Екатерина Константиновна
КИСЛИЦЫНА**

С того далекого 1932 года прошло уже 88 лет. Возможно, не все подробности прожитых лет четко сохранились в памяти, но Великая Отечественная война отпечаталась в детских воспоминаниях Екатерины Константиновны Кислицыной живыми картинками, порой – страшными, порой – трагическими, но она почти ничего из пережитого не забыла, а пронесла эти эпизоды через всю свою послевоенную жизнь.

Сегодня, спустя 75 лет после Великой Победы, она рассказывает о войне, как будто собирает полотно своего военного детства из мозаики. Не из модных сейчас пазлов, а именно из мозаики. А это, согласитесь, немного другое: сложить картинку из отдельных фрагментов, чтобы она полностью была такой, какая нарисована на упаковочной коробке – это проще простого. А рассказать о тех детских воспоминаниях, которые сохранились в памяти где-то далеко-далеко, на самом ее доньшке, поверьте, не совсем легкое задание.

Я и не торопила ее, пусть потихоньку достает из этого доньшка по одному эпизоду, аккуратно складывает в единый рассказ, и к концу

нашего общения обязательно получится целое полотно. Полотно ее рассказа, возможно, чуть-чуть отличительное от тех фактов, которые можно отыскать в сети Интернета. Но воспоминания Екатерины Константиновны и не претендуют на историческую точность. Поэтому и рассказ о ней не документальный, а, скорее всего, художественно-публицистический.

Родилась Екатерина Константиновна на хуторе Березняги Россошанского района Воронежской области. Этот хутор был частью большого села Вакуловка. До войны в селе был большой и богатый колхоз «Новый хлеботорб». В колхозе были свинарники, птицефермы, коровники – он был передовым сельскохозяйственным производителем в Россошанском районе. Родители работали в колхозе. Дети, а их в семье было четверо, с ранних лет помогали маме и отцу управляться с домашними хлопотами. Дома было крепкое подсобное хозяйство и ухоженный приусадебный участок. А еще Екатерина Константиновна помнит родительский дом, большой и добротный. Он заметно выделялся среди прочих хуторских домов, так как был построен в самом центре хутора и был покрыт не соломой, а металлом.

Когда началась война, Кате было без малого 9 лет, и ей почему-то запомнилось то, что лето 1941 года было очень щедрым на мед. «Меда было столько, что он просто вытекал из ульев. Мед набирали в крынки, в бочонки и прятали – закапывали в землю», — вспоминает Екатерина Константиновна. Еще она помнит, как уходил на фронт отец Константин Егорович Василенко, и как всей семьей провожали его до райвоенкомата в Россошь. О его фронтовой биографии рассказать она может не очень много. Фронтовой шофер, воевал он на Волховском и Ленинградском фронтах, ездил по Ладого в осажденный Ленинград. Был шофером артиллерийской установки «Катюша». После взятия Берлина вместе со своей «Катюшей» воевал на Дальнем Востоке с японцами. Был ранен, лечился в госпитале в Воронеже. Катя помнит, как мама ездилa к нему в госпиталь. Домой Константин Егорович вернулся в 1946 году.

Отдельным эпизодом Екатерина Константиновна вспоминает тот факт, что в их доме очень недолго был армейский штаб. Она рассказывает, что это были пограничники, так как хорошо помнит их зеле-

ную форму. Видать, в их доме квартировала одна из отступающих пограничных застав.

А потом пришли оккупанты. Екатерина Константиновна рассказывает, что это были не немецкие части, а румынские и итальянские. Сытые, колёные, наглые, они прикатили на хутор на мотоциклах летом 1941 года и чувствовали себя настоящими хозяевами жизни. Маму с четырьмя детьми сразу выгнали из дома в сарай, и они жили там вместе с овцами. А в соседнем сарае, где раньше у семьи Василенко был топливный сарай, мама прятала Марию Федоровну Демину с двумя дочерьми, муж которой был до войны председателем колхоза в соседней деревне Васильки. Когда в Васильки пришли фашисты, с колхозными активистами они расправлялись сразу, поэтому Демины бежали из деревни и пришли к ним на хутор.

В самом доме фашисты настроили двухъярусные деревянные нары. По утрам они гоготали на непонятном языке, раздевались долго и мылись возле колодца. Днём оккупанты рыли землянки и строили оборонительные сооружения.

Как жили в оккупации, Екатерина Константиновна вспоминать не хочет. Из своего убежища в сарае во двор выходили очень редко. Конечно, боялись. У фашистов было такое развлечение: младшего брата, как игрушку, забрасывали на сарай и радовались, видя нечеловеческий страх в его детских глазах...

А потом из-за Дона немцев стали бомбить наши артиллеристы и авиация. Фашисты стали отступать. Из хуторских сараев и амбаров выгребли все, до последнего зернышка, погрузили на телеги и увезли с собой. «Лошади у них сытые и ухоженные, не то, что наши колхозные клячи», – с грустью вспоминает Екатерина Константиновна, – с собой они забрали только еду. А все остальное оставили».

На хутор пришли части Красной Армии. Только тогда хуторяне без опаски стали покидать свои убежища – сарай, землянки, погреба. То, что осталось на хуторе, как и во всем районе, вспоминать очень трудно. Дома без дверей, без окон. Огороды все перерыты-перекопаны окопами, землянками и траншеями, в амбарах и сараях только ветры гуляют. В их доме опять разместился штаб. Их, мальшей, катал на машине сам командующий армией. «Вот только уже не помню, то

ли это был маршал Конев, то ли маршал Тимошенко, — вспоминает Екатерина Константиновна. — Голова уже не так работает, забыла».

Но жители очень радовались освобождению и сразу же взялись за работу. Потихоньку приводили в порядок дома, убирали грязь и раскапывали огороды. Со скотиной проблем не было. Бездомные коровы, овцы и свиньи, не съеденные оккупантами и выжившие после бомбежек, находили себе новых хозяев. Постепенно налаживался мирный быт.

Осенью открылась школа. До войны Катя успела окончить начальную школу. До сих пор помнит она своего первого учителя, Овчаренко Петра Степановича. В пятый класс она пошла в соседнее село, в Вакуловку. Ежедневно три километра в школу и обратно, в снег и дождь, по колени в грязи и по бездорожью, и даже мысли такой не было, чтобы пропустить уроки или прогулять день. Бывало так, что в бурю, когда дороги совсем не видно, школьники по пути домой терялись, и находили их только к вечеру...

После окончания семилетки Кате дали справку вместо паспорта, так как у жителей села в те годы паспортов никаких не было. С этой справкой Катя поступила в сельскохозяйственное училище и получила диплом зоотехника. После училища Катя жила и работала в Россоши. Там же жила и ее тетя, фельдшер местного ФАПа. Муж тети работал в Печоре, на лесоразработках. Вскоре он забрал к себе жену, а с тетей поехала и Катя. Это был 1952 год.

Здесь, в Печоре, она познакомилась со своим будущим мужем. Кислицын Александр Андреевич воевал на Дальнем Востоке с Японией, после демобилизации приехал в Печору и работал в РЭБе шофером. Там же работала и Катя. Конечно, были встречи, и свидания, и ночи под луной, и прогулки по набережной Печоры. Были танцы в городских клубах, сеансы в кинотеатрах... Одним словом, они были молодые, и к ним пришло то великое и светлое чувство, ради которого человек готов даже горы сдвинуть с места...

Вскоре они поженились, и молодой семье дали квартиру по улице Набережной, рядом с памятником Русанову. Маленькая однокомнатная квартира, но свое отдельное жилье. Кроме того, работа была рядом — Екатерина Константиновна тогда работала оператором сберкассы на улице Олега Кошевого.

У Александра Андреевича в Кожве жил родной брат, и вскоре он вместе с женой, Екатериной Константиновной, тоже переехал в Кожву. Здесь он устроился на работу на лесобазу слесарем по ремонту большегрузных кранов. Как только освободилось место в поселковой сберкассе, Екатерина Константиновна перешла на работу в Кожву. В этой сберкассе она проработала до выхода на пенсию.

В Кожве им дали отдельную квартиру в двухэтажном деревянном доме. Их жизнь ничем не отличалась от жизни других жителей поселка. Работали, воспитывали детей. Екатерина очень скучала по городской квартире, где-то в душе даже жалела, что переехали в Кожву. Но у них была семья, и выражение «куда иголка, туда и нитка» — это именно про них. Главное, они были вместе. 16 лет тому назад Александра Андреевича не стало, она осталась вдовой. Больше свою жизнь в личном плане Екатерина Константиновна не устраивала, ее жизнь и так устроена. Живет она в новом пятиэтажном доме в благоустроенной квартире, получает пенсию. Все необходимое в доме есть.

И рядом с ней всегда ее дочь, Людмила Александровна. Официально дочь живет в Санкт-Петербурге, но о маме она постоянно заботится. По два месяца, а то и более Люда живет в Кожве, потом ненадолго уезжает в Питер. На это время за мамой ухаживает другая женщина. Даже с первого взгляда видно, что в квартире чисто, уютно и везде видна заботливая женская рука. Сейчас в ванной и туалете делается ремонт — такой своеобразный подарок вдове ветерана Великой Отечественной войны в рамках празднования юбилея Великой Победы.

88 лет уже прожито, пережито очень много. Отдельные эпизоды Екатерина Константиновна помнит так, как будто это было вчера. А что-то уже стерлось в ее памяти. Возможно, какие-то подробности она уже забыла или просто не может вспомнить.

Жанна Моргун

В Коже
ИХ ЗНАЮТ ВСЕ

Ангелина Дмитриевна
КУШМАНОВА

Ангелину Дмитриевну Кушманову в Кожве знают очень многие. Не могут не знать: у нее за плечами 43 года педагогического стажа. Ровно столько лет она не только учила ребятшек поселковой школы русскому языку и литературе, но и как классный руководитель, сеяла в сердцах своих воспитанников разумное, доброе, вечное.

Родилась она 11 ноября 1931 года в селе Сторожевск, Коми АССР, а, значит, через полгода Ангелина Дмитриевна отметит свой девяностолетний юбилей. Имя у нее красивое: Ангелина. В переводе с греческого это имя означает «ангельская». Когда молодые и счастливые родители выбирают имя своей родившейся крошке, то им кажется, что их возможности безграничны, дескать, как сами захотим, так и назовем. Отнюдь, ибо фамилию и отчество ребенок уже получил с первым вдохом, так сказать, по наследству. А имя ему мамы и папы выбирают из всех ранее услышанных, примеряя на свою крохотулю и прислушиваясь, как оно звучит в сочетании с фамилией и отчеством. К имени «Ангелина» прислушиваться не надо — оно звучит очень красиво в сочетании с любым отчеством! Если заглянуть в тайну этого имени, то астрологи говорят о том, что «носителнице этого имени свойственна не только эмоциональность, но и активность, оптимизм, чувство юмора. Характер у Ангелины определяется ее самостоятельностью: девочка ни на кого не полагается, не рассчитывает на чью-либо помощь, считает, что, кроме ее самой, ей не поможет никто». Так предсказывают астрологи. Но война формировала характер каждого ребенка и подростка вопреки всем расположениям небесных светил и всем предсказаниям и подсчетам астрологов...

Давно, еще в молодости, Ангелина Дмитриевна в своей автобиографии писала: «Мой отец, Попов Дмитрий Григорьевич, был участником гражданской войны и был защитником Ленинграда в Великой Отечественной войне. Он построил дом в городе Сыктывкаре, по улице Кирова, 71. Мы жили там. Я училась в средней школе № 2».

Когда началась война, одноклассники Ангелины все летние месяцы, с конца мая месяца и по август месяц включительно, ра-

ботали в пригороде Сыктывкара в колхозе имени Кирова. Ангелина Дмитриевна потом напишет: «Мне было 11, когда я впервые начала работать там».

Дети войны... Особая категория людей пожилого и преклонного возраста, которые были рождены с 1928 года по 1945 год прошлого века. Это у них детство украли война... Это они взвалили на свои хрупкие плечи непосильную ношу. Это у них хранятся справки военных лет, в которых написано где и кем работали они в годы Великой Отечественной войны. Они стали не «дети войны», у них другой статус – труженики тыла.

Я понимаю ту ситуацию, когда на летние работы в колхоз приходят сельские дети, которые приучены к хозяйству и умеют управляться со скотиной, работать в поле, полоть грядки на огороде. А здесь, по сути, еще совсем маленькие, еще даже не подростки... даже не тот непослушный «переходный» возраст. И к тому же городские ребятишки, которым приходилось учиться премудростям полеводческих наук прямо на полях колхоза. И они старались, учились и понимали, что их труд нужен был стране, нужен был фронту.

Ангелина Дмитриевна в автобиографии вспоминает годы своего военного детства: «Колхоз был довольно богатым: у колхоза было много коров, лошадей, овец, имелся большой малинник. В малиннике были ульи, в которых находились пчелы. Работали мы с классом в полеводческой бригаде Людмилы Зотьевны Малыгиной. Она была очень требовательной, строгой, трудолюбивой и доброй. Работали мы на прополке овощей, выдергивали сорную траву вокруг растений, рыхлили землю. В сентябре, после жатвы зерновых, собирали колосья. Поля были очень огромные, несколько гектаров».

То время было такое, когда на поле не пропадал ни единый колосок, ни одно зернышко. В те военные и послевоенные годы даже лексика была другая: все злаковые культуры называли одним словом «хлеб», вкладывая в него все уважение, бережное отношение к хлебу и в значимость строк: «Ты запомни, сынок, золотые слова: «Хлеб — всему голова, хлеб — всему голова!» С тех пор еще осталось: «Крошка хлеба на землю упала — меньше хлеба на крошку

стало!» Ныне можно увидеть краюху хлеба, брошенную прямо у мусорного бака. Это хорошо, что хлеба в стране вдоволь, но мне на брошенную краюху смотреть больно: поднимаю, заворачиваю в пакет и несу домой, чтобы скормить собаке. А каково нынешним пенсионерам, а когда-то, в детские годы, ребятишкам военной поры, смотреть на эти брошенные краюхи? Им, которые собирали после жатвы зерна и колоски на колхозных полях в те суровые военные годы? Они даже зарплату ежемесячно за свою работу не получали, бригадир записывала им трудовни. «В колхозе нас кормили обедом, давали суп, кашу, молоко. А осенью правление колхоза делало расчет с нами. За свои трудовни мы получали деньги, зерно, капусту, брюкву, морковь».

Есть в той автобиографии и такие факты: «Зимой мы для школы таскали дрова. Дрова находились очень далеко. Утром, когда мы шли в школу, то брали с собой санки. Оставляли их во дворе школы. После окончания уроков сумки оставляли в классе, сами брали санки и шли за дровами. Путь был долгим. Встречал нас там завхоз. Мы грузили в санки дрова и одни в темноте возвращались в школу. Идти было очень трудно. На улице Пушкина надо было подниматься на крутую гору, но поднимались, справлялись. А в школе, во дворе, нас встречали преподаватели».

Читаю эти строки, и порой мне кажется, что это сценарий какого-то исторического спектакля. Но это не театральный сюжет — это автобиография Ангелины Дмитриевны, и написана она военным детством. Почти такие же, как под копирку, автобиографии были и у всех ее одноклассников...

После окончания школы, Ангелина Попова поступила учиться в Сыктывкарское педагогическое училище, а в 1955 году она успешно окончила Сыктывкарский Государственный педагогический институт. После учебы вчерашняя студентка по распределению была направлена в Левобережную среднюю школу учителем русского языка и литературы. Молодая, в скромном однотонном платье, с заплетенной косой — на фотографии тех лет она очень похожа на актрису. В Кожве она познакомилась со своим мужем, Валерием Алексеевичем Кушмановым. Тогда он работал на сплаве леса, но через несколько лет был переведен на другую долж-

ность – работал мастером такелажного участка. В семье родились две дочери.

Всю свою трудовую жизнь Ангелина Дмитриевна работала в школе. Коллеги говорили о ней, как о талантливом, умном и справедливом педагоге. На стенде, который был оформлен к юбилею школы, о ней написаны такие слова: «Тщательная подготовка к школьным занятиям, полная ее самоотдача делали уроки Ангелины Дмитриевны увлекательными и доступными для детей. Она постоянно работала классным руководителем. Отдавала все свободное время своим ученикам, старательно готовила их к поступлению в высшие учебные заведения. В школе и поселке вела большую общественную работу, читала много лекций, являлась секретарем педсовета, вела методическую работу».

За годы своей трудовой деятельности много раз была награждена грамотами, неоднократно ей объявлялись благодарности, имеет звание «Ветеран педагогического труда».

Кроме того, Ангелина Дмитриевна – труженик тыла, награждена юбилейными медалями Великой Отечественной войны...

Жизнь – она как многосерийный фильм, пролетела очень быстро. Только фильм этот почти весь черно-белый. Не стало мужа – ушел из жизни, когда ему было всего 54 года. Не стало и старшей дочери... Более 10 лет прошло, а рана не заживает. Здоровье уже не то, что было раньше, да и силы уже не те...

В Кожвинской школе она работала до выхода на заслуженный отдых. Сегодня в этой же школе учителем русского языка и литературы работает ее дочь, Язева Татьяна Валерьевна, таким образом продолжая дело своей мамы.

Наверное, очень мало в поселке Кожва жителей, которых не учили ли бы Ангелина Дмитриевна или ее дочь Татьяна Валерьевна. Вот и получается, что педагогическую династию учителей русского языка и литературы Кушманова-Язева в Кожве знают все жители поселка.

Жанна Моргун

**Валя –
Валентина**

**Валентина Павловна
ЛЕБЕДЕНКОВА**

ЯХочу рассказать вам про Валю Маслову. Родилась она в 1931 году в селе Бережки Кировского района Калужской области. Деревня, если можно так сказать, в самом центре европейской части России, совсем недалеко от Москвы. Теплое лето, мягкая зима, плодородные поля – одним словом, благодатный край. Вполне закономерно, что в селе был крепкий колхоз, он так и назывался: колхоз «Бережки».

Хотя село было не такое уж и большое, в нем тогда жили около 150 семей, но многие из них были многодетными, по 5-6 ребятишек воспитывали родители в каждом доме. В семье Масловых, как в сказке, был один сыночек и шесть лапушек-дочек. Валя была пятым по счету ребенком. Всех детей родители очень любили и лелеяли, но при этом постепенно приучали к домашней работе. Поэтому и выросли они трудолюбивыми и всему наученными. Сестры никогда между собой не ругались и не сравнивали: кому из них купили обновку красивее. Обновки покупались очень редко, только по особому случаю. Жили – не тужили: работали в колхозе, строили дома, растили детей. Возле каждого дома были большие

земельные наделы. В огородах на ухоженных грядках овощей и зелени выращивали столько, что еды хватало на всех едоков, а излишки можно было продать на базаре. Еще было свое подсобное хозяйство. Молоко, сметану, мясо и яйца тоже носили на базар. Правда, до этого базара нужно было идти утром рано 10 километров. Зато в доме появлялись деньги.

Село жило своим укладом: все обо всех знали буквально все. Только не знали того, что в 1941 году придет к ним черная чума. И у этой чумы было название – фашизм.

В тому времени, когда в их Бережки пришли оккупанты, Валя успела окончить 4 класса школы, и было ей в ту пору 10 лет. С первых дней войны все мужчины, в особенности молодые ребята – население села – поодиночке и группами шли пешком в военкомат и записывались на фронт. Время было такое, воспитание было другое. Тогда не было понятия «патриотизм», но свою Родину они любили так, что жизнь свою готовы были отдать за ее свободу и независимость.

Я видела, как тяжело вспоминать моей собеседнице свое оккупационное детство. «Не дай Бог никому испытать то, что мы пережили», – говорит она. И я понимаю, что в том далеком военном 1941 году, когда фашисты рвались к Москве, они сметали на своем пути все: села, хутора, деревни, уничтожая все живое, и превращали обжитые места в пустыню. У сельчан забирали все запасы и всю живность. В Бережки оккупанты пришли в августе 1941 года.

Правда, в октябре того же года село было освобождено войсками Красной Армии. О том, какую цену заплатил наш народ за освобождение одного только этого села в Калужской области от фашистской нечисти, лучше моей героини не скажет никто: «У нас за селом был небольшой лес. Там солдатских могил больше, чем деревьев в лесу, могилы, могилы и могилы. Везде могилы...» И в ее глазах такая боль, как будто она в эту минуту видит тот лес. И каждый холмик в том лесу тоже видит.

Сразу же после освобождения Бережков всех местных жителей эвакуировали в Тульскую область, подальше от того места, где условно проходила линия фронта, где непрерывно бомбили и с той, и с другой стороны.

В Тульской области Валя окончила школу-семилетку, и в 1943 году, когда немцев погнали обратно в их фашистскую Германию, сельчане вернулись домой.

По тем временам, если человек окончил школу-семилетку, то на селе он считался уже грамотным и образованным. Через год Валя устроилась на работу в колхоз на должность счетовода. Работа очень серьезная и ответственная – Валя вела учет трудодням.

Трудодни – это особая, непонятно кем придуманная, система оплаты труда колхозников. Все было, на первый взгляд, просто: денег колхозникам не платили, вообще не платили. Учитывали каждый отработанный день, потом эти дни суммировали. На отработанные трудодни давали сенокосные наделы и высевки зерновых для корма скота. Вот и вся оплата. Она производилась один раз в год. А уехать в другие места и поискать, где жизнь лучше, колхозники не могли. У них просто не было паспортов.

В 1950 году Валя, теперь уже Валентина Павловна, ей было полных 19 лет, перешла работать свинаркой. Тут не лишне будет вспомнить советскую кинокомедию «Свинарка и пастух». В 1953 году Валентина Павловна, передовая свинарка колхоза «Бережки», точно так же, как и главная героиня кинофильма, ездила на Выставку достижений народного хозяйства в столицу нашей Родины, в Москву. До сих пор она бережно хранит памятный нагрудный знак участника выставки и в дни праздников и торжеств прикалывает его на свой пиджак рядом с медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и юбилейными медалями.

В 1955 году в село к родителям, в отпуск, приехал молодой и красивый парень – Вася Лебеденков. Он жил тогда в далеком северном городке Печора и работал в военизированной охране железнодорожного моста. Конечно, можно долго рассказывать о том, как встречались, как ночами гуляли на окраине села, как не хотелось уходить домой. Уже третьи петухи кричали, а они не могли расстаться. А потом Валя собралась и приехала вместе с мужем в Саратовку.

Приученная с детства работать, Валентина Павловна Лебеденкова устроилась на работу на лесобазу. Сначала работала учетчиком продукции, потом ее перевели мастером лесобазы. В 1956

году молодой семье был выделен участок, и через год они сами, своими силами, построили на этом участке добротный жилой дом.

Троих ребятишек воспитали они с Василием Дмитриевичем: два сына и дочь выросли на радость родителям. Мужа уже нет в живых, а Валентина Павловна так и живет в своем доме. Возле дома ухоженный участок с цветами, овощами, ягодными кустами и картошкой. Живет одна, очень редко выходит в поселок. Очень любит свой огороженный забором дом, любит тишину и покой.

Дом у нее какой-то особенно теплый. Теплый не от нагретой печки, а от ее душевной теплоты. Я пришла в этот дом первый раз, но Валентина Павловна встречает гостей, даже если они и не совсем прощенные, так, что поневоле хочется ее просто обнять и искренне улыбнуться в ответ на ее приветливую улыбку. На столе гора свежеспеченных блинов, и я понимаю, что без чая из этого дома меня просто не отпустят. Блины вкусные, со сливовым вареньем, она сама их испекла. Правда, очень вкусные, я попробовала. Вообще всю домашнюю работу Валентина Павловна делает самостоятельно: дрова принесет, печку нагопит, блинов напечет, обед приготовит. Зимой она еще чистит дорожки от дома до хозяй-

ственных построек: «Слава Богу, могу еще сама». Летом копошится в огороде, сажает очень много цветов.

Все трое детей выросли и стали хорошими людьми. Сын живет в Изьяю, работает в газонептяной отрасли, и в день моего прихода он был на вахте. Невестка копошится в огороде – копает картошку. В Кожве совсем недалеко от мамы живет дочь. Еще один сын живет на Украине, в Полтавской области. Теперь это почти что дальше зарубежье.

Валентина Павловна достает альбом с фотографиями. Шесть внуков и семь правнуков радуют бабушку и улыбаются ей с каждой страницы альбома. Когда я попросила найти фотографии, где она была бы сфотографирована в молодые годы, Валентина Павловна таковых не нашла. «Какие там фотогафры были в нашем селе? Да и не того было». К фотографиям у нее особенное отношения. В доме фотографий много, в аккуратно застекленных рамках они развешены на всех стенах. Я знаю, что в доме моей бабушки было точно так же...

Я не хотела покидать этот дом, гостеприимный, чистый и ухоженный, он напомнил мне деревенский дом моей бабушки. От самой Валентины Павловна, которая всего на два года старше моей мамы, веет особой нежностью, искренностью и любовью. Она любит своих детей, внуков и правнуков, она любит свой дом, его уклад. Она любит принимать гостей и дарить им капельку радости и тепла. А еще она умеет жить.

Жанна Моргун

**Для меня
они все еще живы...**

**Юлия Михайловна
МИХАЙЛОВА**

Мой РАССКАЗ о Юлии Михайловне Михайловой. Труженик тыла, вдова ветерана Великой Отечественной войны, многодетная мама, добросовестный и исполнительный человек, и просто интересная женщина, с тонким юмором и только ей присущим оптимизмом.

Родилась Юлия Михайловна в деревне Лычно Коношского района Архангельской области 20 июня 1926 года. Казалось, только вчера отметила она свои 15 лет. Вся жизнь – уже не детская, и еще не совсем взрослая – расстилала перед ней свои горизонты, звала к новым открытиям и интересным перспективам. Наверное, были какие-то юные девичьи мечты. Но через два дня, 22 июня, началась война. И она, жестокая и бездушная, не спрашивала про перспективы, горизонты и открытия. Она внесла свои коррективы в каждую мечту, в каждую человеческую судьбу.

Главным лозунгом поколения наших бабушек и дедушек были распечатанные на плакатах крупными буквами слова: «Все для фронта, все для Победы». Если быть точнее, то слова эти были напечатаны не только на агитационных плакатах, но и в сердце

каждого советского человека. И напечатаны они были кровью погибших и раненых на полях сражений воинов Красной Армии и партизан, воевавших с фашистами на оккупированных территориях так, что земля горела под ногами захватчиков. Еще они были напечатаны слезами матерей, вдов и осиротевших детей и соленым потом тружеников тыла – без их героического труда не было бы и фронтовых побед.

В то суровое военное время 15-летние подростки как-то сразу стали взрослыми. Да что там 15-летние! 13-летние умудрялись исправить в своем возрасте цифру «3» на цифру «8» и уходили добровольцами на фронт, а то и просто убегали из дома – защищать свою Родину и бить фашистов.

Юлия Вохтомина в свои 15 лет работала в колхозе. Она так буднично рассказывает про те суровые годы, как будто так и должно было быть: «Работала в колхозе, как и все подростки. Хлеб растили, кормили скотину. Молоко, масло – все для фронта. Картошку сажали. Зимой рубили лес и заготавливали дрова».

Сегодня она не видит в том ничего сверхъестественного – работали да и работали. А я пытаюсь переложить то время и

то отношение к труду на сегодняшний день и понимаю, что теперь 15-летние ребята – это еще учащиеся общеобразовательной школы, и еще даже не выпускного класса. Это по своей сути маленькие и не приспособленные к такому труду дети. Им и общественно-полезный труд противопоказан – они же еще несовершеннолетние! Война не спрашивала ни свидетельства о рождении, ни справки о состоянии здоровья и годности к выполнению определенного вида работы, будь то труд у станка на заводе или рутинная ежедневная работа на ферме или в поле. Юлия, как и другие девчонки-сверстницы, сама запрягала лошадь, пахала и боронила колхозные поля. Научилась ездить верхом на лошади. Да еще какая наездница была! Трех необъезженных стригунков сумела усмирить, а это не каждому под силу!

После войны поехала Юлия в гости к сестре в деревню Гремиха Мурманской области, на Кольский полуостров. Там она и встретила своего будущего мужа, Ивана Прокопьевича Михайлова. Бывший фронтовик, пулеметчик, он воевал на Курской дуге. Прошел всю войну, дважды был ранен. 19 сентября 1946 молодого

жены сыграли свадьбу. Так как своего жилья у них еще не было, застолье организовали в квартире командира 14 роты Стремилова.

Кольский полуостров – это севернее нашей Печоры. Как сказала Юлия Михайловна: «Там только карликовая березка, мох, олени и волки». В 1947 году молодая семья переехала в Сыктывкар, сам Иван Прокопьевич родом был из Коми АССР, деревня Богородская, Сторожевского района. А еще через два года поехали в Воркуту к брату мужа, Александру. Он в то время работал начальником треста «Воркутауголь», и Ивану Прокопьевичу тоже нашлась работа – в охране.

Через пять лет семья переехала в Кожву. Иван Прокопьевич служил в структуре МВД, в лагерной охране. Сперва жили, как и все кожвинцы, в бараках. Но места хватало, жили очень дружно. Муж не только приносил в дом зарплату. Он был увлеченным охотником и рыбаком. Лес, река, ружье, лодка – так жил коми народ, так живет он и сейчас. В каждой коми деревне свои обряды и традиции, но всех их объединяет именно тайга и река – охота и рыбалка.

Когда лагерь разукomплектовали, он пошел работать слесарем на лесобазу.

За это время у Ивана и Юлии Михайловых родились шестеро малышей. Тогда, в послевоенные годы, семьи в основном были многодетными, потому что детей никогда не бывает много. Детей или мало, или очень мало – женщины рожали столько, сколько им посылал Всевышний.

Дети росли, родители работали. Сама Юлия Михайловна трудилась рабочей на лесобазе, потом на складе ГСМ – заправляла топливом катера. Большую часть своей трудовой биографии отдала хирургическому отделению местной больницы. Она рассказывает об этом с каким-то сожалением и грустью, как бы разговаривая сама с собой: «До 77 лет я работала. Я бы и сейчас пошла работать. Зачем у нас больницу закрыли? Надо же наоборот, открывать...» Я знаю, что это вопрос в никуда – это так на деле выглядит оптимизация в медицине. Когда человек такого почтенного возраста подлечиться и немного поправить свое здоровье уже не может, потому что в Кожве больницу закрыли, а в стационарах Печорской

ЦРБ койко-мест катастрофически не хватает. А еще надо же как-то добраться до той же Печоры и попасть на прием к врачу. Только Юлия Михайловна не ропщет, она просто живет, и благодарит судьбу за каждый прожитый день. Живет со своей печалью и тоской в сердце – четверых детей уже нет в живых. Не стало старшей дочери, ей было всего 44 года. Сын Николай не дожил до 52 лет... В 1979 году Иван Прокопьевич с сыном уехал на рыбалку. Оба домой не вернулись... Потом река унесла жизнь еще одного сына. А Юлия Михайловна до сих пор прислушивается к каждому скрипу входной двери, к каждому шагу на лестничной клетке. Нет, все проходят мимо. А она все еще ждет и надеется: «А вдруг?..», хотя умом понимает, что чудес не бывает. Не видела она их в последние минуты земного бытия, не простилась по православному обряду, и до сих пор для нее они все еще живые.

Она живет одна в своей уютной однокомнатной квартире. Продукты ей приносит соработник. Готовит, убирает и стирает она сама. Спрашиваю: «Не тяжело ли?» Юлия Михайловна отвечает: «А что там тяжело? Машинка есть такая, чтобы стирать. Напихаешь белья, да чай пей. Спасибо тем людям, кто эту машинку придумал и сделал».

Обе дочери, Люда и Надя, живут в Печоре. «Только Надю уже четыре месяца я не видела. Уехала на вахту, и до сих пор их не вывозят — карантин. Дети, внуки и правнуки не забывают, приезжают из Печоры, помогают по дому, делают генеральную уборку, и едут домой».

И мне пора собираться домой. Но рассказ Юлии Михайловны настолько тронул, что я второпях забыла свою записную книжку и мобильный телефон. Пришлось вернуться. Нажала кнопку дверного звонка. «Открыто», — услышала я из-за двери. Юлия Михайловна дверь на замок не закрывает... Она все еще ждет...

Жанна Моргуни

**Теплый
человек**

**Мария Антоновна
ПОРУБАЕВА**

ПИСАТЬ о таких людях всегда интересно. Потому что их жизнь – как отдельная глава большой книги с названием «История». Это и есть самая настоящая наша история. Порой страшная, порой суровая, порой красивая, но она наша. И за каждой такой главой стоит живой человек. Если мы сегодня успеем написать все главы этой книги, то получится многотомник. Мы сможем передать его детям и внукам, чтобы они сберегли каждый том, каждую главу, и оставили своим потомкам...

В этой двухкомнатной квартире всегда тепло и уютно. Тепло не потому, что котельная в Набережном работает хорошо, и батареи в эти зимние месяцы в доме горячие, а потому, что здесь живет Мария Антоновна Порубаева, вдова ветерана-фронтовика Георгия Васильевича Порубаева. Она сама излучает особое душевное тепло, от которого даже мне, совершенно постороннему и чужому человеку, как-то по-особому спокойно и уютно. Через пять минут общения с Марией Антоновной мне показалось, что знаю я ее давным-давно, просто долго не заходила в гости. Искренняя и открытая, доброжелательная и спокойная – именно такой она была всегда.

В спальне, на самом видном месте, висит портрет мужа. Без каких-либо украшений, скромно и просто, с заботливо приколотой Георгиевской ленточкой. С этим портретом, я думаю, каждый год в День Победы, чеканя шаг, идет Мария Антоновна с детьми и внуками в составе Бессмертного полка.

На красных бархатных подушечках бережно хранятся его фронтовые награды: орден Отечественной войны, медали «За отвагу» и «За победу над Германией», юбилейные медали и памятные знаки.

Полистала я и фотоальбом. Вместе с фотографиями хранит Мария Антоновна грамоты своего мужа, благодарности, поздравительные открытки. Черно-белые, пожелтевшие от времени снимки... На некоторых из них лиц почти не видно, но хозяйка знает всех, кого объектив запечатлел на века. А то, что качество оставляет желать лучшего, так всему виной годы. А прошло их немало...

Родилась Мария Артеева 8 апреля 1941 года в селе Сизябск Ижемского района. Что она может рассказать о своем военном детстве? Почти что ничего – маленькая была. В 1947 году, когда Марии было всего 6 лет, мама переехала жить поближе к брату, в Промкомбинат – так тогда назывался поселок Набережный. Кстати, это название до сих пор используется в повседневной лексике.

Помнит Мария Антоновна, что жили в бараке, печку топили дровами, а воду мама носила из ручья. Потом переехали жить в

деревню Усть-Кожву. Там она ходила в начальную школу, а семилетку окончила в Промкомбинате, куда все старшие деревенские ребятишки ежедневно добирались пешком.

То было другое время. Дети в деревне, как только подрастали, становились самыми настоящими помощниками родителей. И пока мамы и папы были на работе, ребятишки сами управлялись по хозяйству. После окончания семилетки, Мария устроилась на работу в местный колхоз. Он тогда назывался «Рычаг». Днем она работала, а вечерами ходила в вечернюю школу в Саратовку (теперь поселок Кожва).

Потом ее взяли на работу в швейный цех Промкомбината. Продукция этого предприятия была очень востребована. В спецовку, сшитую в швейных мастерских Промкомбината, были одеты рабочие транспортных и промышленных предприятий не только Коми АССР и России, но и других союзных республик бывшего Советского Союза. Здесь Мария Антоновна прошла все трудовые «университеты»: начинала швеей пошивочного цеха, работала бухгалтером производства, потом мастером. Отсюда и вышла на заслуженный отдых.

В 1971 года Мария Артеева стала Марией Порубаевой. Она вышла замуж за фронтовика, поселкового киномеханика Жору Порубаева. Жена у него умерла, а дети от первого брака уже были взрослыми и самостоятельными. Ее не пугала разница в возрасте и суды-пересуды поселковых бабушек, которые все про всех всегда знают. Не знали они только того, что вместе и счастливо Порубаевы проживут 29 лет, что в их семье появятся два сына, которых они успеют воспитать и поставить на ноги.

Так просто, сама по себе, напроситься с визитом к незнакомому мне человеку, даже если это по работе, я не посмела. Поэтому 27 января к Марии Антоновне мы пошли вдвоем с председателем поселковой первичной организации ветеранов Верой Васильевной Жегуновой. Переступили порог квартиры и попали в особую атмосферу домашнего уюта. Сначала я подумала, что нас здесь ждали и специально готовились к нашему приходу, потому что прямо с порога нас пригласили за стол. Все оказалось проще: 26 января 2000 года Георгия Васильевича не стало, и именно вчера, 26 января, было 20 лет, как Мария Антоновна осталась одна.

Только не одна она вовсе. На диване удобно расположилась внучка, Виолетта Порубаева, студентка 4 курса филологического факультета Сыктывкарского Государственного университета им. Питирима Сорокина. Все каникулы она проводит именно у бабушки. То, что бабушка любит ее и балует, вполне закономерно. У Марии Антоновны есть еще два внука, а внучка-то одна! Хотя ее теплоты и любви хватает на всех внуков поровну. Если спросить у Виолетты какая она, ее бабушка, внучка ответит одним словом и просто: «Теплая». Это именно то тепло, которое исходит от Марии Антоновны, и которого хватает на всех, с кем она общается.

Не забывают маму и сыновья Григорий и Сергей. Все маминны хлопоты давно стали их заботами, и они сумели окружить маму вниманием и добротой. И я вспомнила, где видела Марию Антоновну раньше: больше десяти лет тому назад бабушка приезжала почти на все концерты, в которых участвовала Виолетта – тогда еще маленькая, с косичками и бантами, активный участник клубной самодеятельности – бабушка аплодировала своей внучке громче всех.

Неудобно было отказываться от предложения попить чаю. Когда на столе стали появляться котлеты, холодец, салаты, жареная рыба, пироги, картошка, я поняла, что это не просто чаепитие. Двадцать последних лет в эти дни Мария Антоновна вспоминает своего мужа. Кто знает, о чем она думает, когда хлопочет у плиты и готовит угощение? Она не просит помянуть его, как принято, не наливает спиртное. Она хочет посидеть за столом, поговорить, пообщаться, вспомнить, каким при жизни был сам Георгий Васильевич, как они прожили те 29 лет, которые судьба отмеряла им для того, чтобы быть вместе...

Это у него она была второй женой. А у нее он был, нет, не «был», а остался любимым и единственным – на всю жизнь...

Жанна Моргуни

**Дай Бог
ДОЖИТЬ**

**Парасковья Семеновна
ПОЦИНКЕНЕ**

ТРУЖЕНИК тыла Парасковья Семеновна Поцинкене 15 июля текущего года отпразднует свой почтенный девяностолетний юбилей. Как говорится, дай Бог ей дожить! То, что прожито, можно измерить годами. А чем мерить то, что пережито?

Председатель поселковой первичной организации пос. Изьяю Вера Васильевна Жегунова, мой незаменимый и неутомимый проводник по квартирам ветеранов войны и тружеников тыла, спросила у хозяйки: «А как вы узнали, что началась война? По радио передали информацию?» Парасковья Семеновна удивленно ответила: «Какое радио? У нас в доме и часов-то не было!».

Тогда семья жила в Кировской области, возможно, тогда область называлась просто Вятским краем. Но в деревне Ежово (раньше эта территория была частью Зуевского района, а сегодня это Омутнинский район) работала изба-читальня. Оттуда страшная весть и разлетелась по всей деревне.

«Потом, тем же летом, в село принесли повестки, – вспоминает Парасковья Семеновна, – мужики стали уезжать на фронт. Те, двое, что уехали первыми, воевали до самой Победы и после войны живыми вернулись домой в деревню. А так многие погибли». Дети остались сиротами. Осиротели и матери, потеряв своих взрослых сыновей. Все чаще деревенские женщины повязывали головы черными платками. . .

Я понимаю, что ей трудно вспоминать какие-то подробности. Стараюсь не прерывать ее рассказ, не задавать уточняющих вопросов. Она помнит то, что помнит. И если она что-то говорит, значит, эта информация сохранилась в ее памяти. А если какие-то события уже забыты, то их не восстановить. Увы, такое свойство памяти, как забывание, в 90 лет вполне объяснимо. Поэтому трудно будет построить логическую цепочку воспоминаний Парасковьи Семеновны. А придумывать что-либо я не хочу.

Хозяйка плохо слышит, поэтому общаться с ней нужно с помощью сына. Семья Петра Ионасовича Поцинкуса проживает в Сыктывкаре, а он живет в Набережном и ухаживает за мамой. Одну ее оставить он не может. Привык уже, понимает маму с полувзгляда, и мама слышит и понимает Петра Ионасовича, даже если он говорит не очень громко.

Трудовая биография Парасковьи Семеновны началась еще до войны, когда ей было всего-то 7 лет: «Отец ушел рано, мы еще маленькими были. Я лошадку запрягу и понукаю. Возила со скотного двора навоз. Лошадка топает, а я маленькая уснула, и попала под телегу. Колесо телеги прокатилось по ногам. Старухи прибежали, взяли лошадь под узду, меня из-под телеги вытащили. Мы же маленькие были, нас будили и голодными отправляли на работу. А мать за это меня еще и побила – нечего на работе спать!» – рассказывает Парасковья Семеновна, как будто показывает картинку из своего детства.

А я себе думаю: «А было ли у детей военной поры детство?» Наверное, было. Потому что только детская память может хранить такие подробности про радио и часы, которых не было, про избу-читальню – это тоже не придумаешь просто так. Как в подтверждение моих слов, хозяйка продолжает: «Началась война и на наше детство никто не смотрел. У матери нас было десять детей. В войну пятеро умерли от тифа. А сестра в няньках была у одних людей. Они ей не заплатили денег, а дали поросюшку. Когда мы все заболели, мама поросюшку зарезала. Мы все очень кашляли, и мама нас кормила салом. Так, наверное, и остались живы. Павлик, Василий, Николай». – Парасковья Семеновна перечисляет имена, а я боюсь уточнить, кого она вспомнила: то ли умерших братьев, то ли погибших на войне родных. В любом случае, это непоправимое горе и ничем неоправданные потери...

В 13 лет Парасковья Семеновна уже пахала землю. Вместе с другими сельскими детьми и подростками работали на полях: сеяли и убирали рожь, пшеницу, ячмень, горох. В сенокос все работали без выходных, тогда даже понятия такого не было: выходные дни. Все дни назывались одним словом – страда. «В домашнем хозяйстве скотину держали. Корова была, пять овец, держали еще курей», – вспоминает хозяйка, – стригли овец, мама пряла шерсть, и зимними вечерами после работы на колхозных фермах, при лучине, вязали на фронт носки и рукавицы».

Парасковья Семеновна вспоминает и о том, как узнали, что фашист разбит и войне пришел конец: «Мы на работе были. К нам приехали из Кирова и сказали про Победу. Паренек заиграл на гармошке. Все плачут. Ведь у многих мужики-то с фронта не пришли».

Сразу после войны началось восстановление народного хозяйства. Работали, не покладая рук. Парасковья Семеновна трудилась на строительстве узкоколейки от станции Зуевка до лесоразработок. А когда участок УЖД был построен, осталась на работе в лесу на лесозаготовках. Жили в бараках, спали одетыми, в маленькую столовую не всегда успевали на обед. Поэтому самым вкусным и сытным был черный хлеб с подсоленным растительным маслом – вот и все меню. А с 5 часов утра уже отправлялись на работу.

В Набережном живет с 1959 года. Муж работал в лесопункте, а сама Парасковья Семеновна 7 лет трудилась в детских яслях: «Тридцать детей, месячных грудничков было в яслях, и со всеми управлялись». Потом устроилась на работу в пошивочную мастерскую Промкомбината, но работала недолго. И как только освободилось место, перешла работать санитаркой в медпункт. Успела поработать и в службе охраны нефтебазы. В 1985 году, когда исполнилось 55 лет, вышла на заслуженный отдых. Но и на пенсии еще 10 лет работала в профилактории в Саратовке.

Понимаю, что каким-то односторонним получился этот материал: работала, трудилась, работала... Ловлю себя на мысли, что не написала о том, как Парасковья Семеновна отдыхала. Помимо работы, в ее жизни было все: любовь, материнство и самое обыкновенное женское счастье. Муж и отец ее сына Ионас Поцкунас, сам родом из Лигвы, был репрессирован и с 1945 года по 1952 год по приговору суда отбывал ссылку в учреждениях Печорлага. После освобождения встретил свою суженую. Женился, а через год в семье на свет появился единственный их сын Петр. 43 года прожили вместе, а в 1995 году Парасковья Семеновна овдовела. Ее муж похоронен на кладбище поселка Кожва. Теперь сын – ее единственная опора, надежда и утешение. И, самое главное, она не одна. Есть с кем поговорить, посидеть за чашкой чая, есть с кем вспомнить свое житье-бытье. А вспоминать есть что. И если записать все, о чем рассказывает Парасковья Семеновна, получится целая повесть. Хочется пожелать Парасковье Семеновне, чтобы в повести ее жизни была написана еще не одна глава, а этак с десяток. И, как говорится, дай ей Бог дожить до столетнего юбилея!

Жанна Моргун

**Праздник
с доставкой на дом**

**Нина Семеновна
РОЧЕВА**

НЕ ТАК-ТО просто доехать с города до поселка Кедровый Шор, тем более сейчас, в распутицу. А если еще добавить, что это в условиях злополучного карантина, то получится, что такая поездка – почти что нереальная.

Но в Кедровом Шоре живет Нина Семеновна Рочева – самый почтенный житель поселка. В прошлом году она отпраздновала свой 90-летний юбилей! Как же можно оставить ее без праздника, которого она ждала так долго? Не все ее ровесники дожили до 75-летнего юбилея Великой Победы, а она вот дожила...

Накануне праздника глава сельского поселения Озерный Константин Юрьевич Хохлов и секретарь Марина Николаевна Канева вручали труженикам тыла, вдовам фронтовиков Великой Отечественной войны и несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей памятные открытки от Натальи Николаевны Паншиной с теплыми словами поздравлений, благодарности за их вклад в дело Великой Победы и пожеланиями крепкого здоровья и всего самого наилучшего.

Конечно, можно было бы открытки отправить и по почте. Но тот факт, что каждого ветерана поздравили лично, вручили вместе с открыткой букеты алых гвоздик, зачитали пожелания, для них значит гораздо больше, чем само поздравление.

Нина Семеновна Рочева так и сказала: «Не зря я, видно, прожила на свете. И Путин из самой Москвы открытку мне прислал, а Наталья Николаевна лично мне, Нине Семеновне Рочевой, отправила поздравление и цветы». Надо было видеть, сколько блеска было в ее глазах, как искренне она радовалась тому, что, дескать, не забыли, «уважили, и приехали к ней одной даже в такую даль».

Но поздравлять – так поздравлять красиво! Николай Анатольевич Пыстин – депутат сп. Озерный и по совместительству художественный руководитель клубной самодеятельности поселка Кедровый Шор (мы заехали за ним по дороге) взял в руки баян. И как только Нина Семеновна услышала знакомые с молодости мелодии песен военных лет, она не могла скрыть своего искреннего восторга. Впервые за столько лет ее поздравляли не на клубной сцене, а дома, но как поздравляли! Даже я не удержалась и под-

певала под аккомпанемент баяна вместе с Галиной, дочерью Нины Семеновны.

Но самой главной солисткой была Нина Семеновна. Мне, признаться, было стыдно. Несмотря на свой почтенный возраст, сама Нина Семеновна прекрасно помнит слова всех песен, которые пела когда-то в молодости. А мы с Галиной Александровной были, так сказать, на подпевке, как теперь модно называть «бек-вокал», так как помним только повторы и припевы. Николай Анатольевич Пыстин, аккомпанируя и подпевая бархатистым и чистым голосом, возглавлял этот стихийно возникший, но довольно сносно поющий ансамбль, тем более, что подключились и Константин Юрьевич, и Марина Николаевна.

Это был вовсе не концерт одной песни. После мелодий и напевов военных лет Пыстин заиграл и запел частушки. И праздник наполнился особой окраской. Ведь именно в четырех строчках частушки вмещается весь смысл этого небольшого по объему фольклорного произведения. Не отставала и Нина Семеновна. Вы не поверите, но в ее репертуаре более сотни частушек, и поет она их искренне и от души, вкладывая в свое пение

усердие и безусловный исполнительский талант: «Полюбила гармониста – стала мамочка ругать. Не ругай меня, родная, – развеселый будет зять». Или: «Серый камень, серый камень. Серый камень – сто пудов. Серый камень меньше тянет, чем проклятая любовь».

Не всегда жизнь Нины Семеновны была веселой и радостной, с песней, шутками, частушками и прибаутками.

Родилась она в 1929 году в деревне Акись Усинского района в многодетной семье: пятеро было их, ребятишек, три дочери и два сына. Из довоенных лет помнит только хорошее. Родители работали в колхозе, дома было большое хозяйство – жили в достатке. Рядом – речка и лес. В доме всегда была на столе свежая рыба. У Нины Семеновны и сейчас речная рыба – самая изысканная и любимая еда, и самая вкусная. Деревня Акись небольшая. Жителей в ней было немного, чуть более двухсот человек. Летом 1941 года треть из них ушли на фронт. А это почти все мужское трудоспособное население деревни. Остались старики, женщины да дети малые. Младший брат приписал себе годочков, так как 18 лет ему еще не было, и ушел добровольцем

бить фашистов. Но пуля на войне не спрашивала, сколько ему лет. В 1943 году он погиб под Ленинградом...

А деревня жила. Всю колхозную работу взвалили на свои плечи женщины и дети. Старики помогали по дому, управлялись по хозяйству. Но нужно было кормить фронт. На работу в колхоз все чаще стали ходить подростки 12-15-летние мальчишки и девочки. Вот так и закончилось их детство. Повзрослела и Нина, хотя ей было всего 12 лет. Но в летние месяцы, особенно в сенокосную пору, она наравне со взрослыми целый день трудилась на сенокосе. Никто не роптал, не жаловался, что тяжело. Понимали: так надо. Больше работать было некому...

Когда Нине исполнилось 14 лет, ее, почти что взрослую по меркам военного времени, отправили работать на лесосплав. Непонятно как они, молоденькие девочки, по сути еще неокрепшие, управлялись с багром? Как, стоя по пояс в холодной воде, разворачивали плот и направляли его по руслу реки? Откуда только черпали они силы? Наверное, в уверенности в том, что так они помогают Советской Армии бить ненавистного врага.

Оттремели военные годы. Пришел победный май. Нина тогда жила в Воркуте, где служил ее старший брат. Она уже работала в столовой. Там она познакомилась со своим мужем, который работал штабным писарем. Сыграли свадьбу. В их семье родилась дочка. А потом пришла беда, откуда не ждали. Мужу поставили диагноз: туберкулез. Он вынужден был уехать на лечение в южные регионы страны. Так они и расстались, наверное, встретил там другую женщину и в Воркуту, с ее суровой и холодной зимой, не захотел возвращаться...

Спустя 10 лет, Нина Семеновна вернулась в родную деревню, в Акись. Здесь нашлось ей дело по душе. Она устроилась на работу в деревенскую пекарню. 20 лет кормила она сельчан вкусными булочками, выпечкой и сдобой. Работа была не из легких. В пекарне все работы выполнялись вручную, кололи и носили дрова, таскали воду, топили печи, месили тесто. Выпечка получалась очень вкусной. Потому что Нина Семеновна вкладывала в эту работу не только свой труд, но и свою доброту и любовь. А ее любви хватало на всех: на пятерых детей, которых она вырастила и вывела

в люди, на родных и близких ей людей, и на сельчан, с которыми она жила по соседству. Знаете, она ведь и сейчас скучает по своей родной деревеньке.

В свое время в Кедровый Шор по распределению начальником почты была направлена старшая дочь Нины Семеновны, Людмила. Сюда со временем переехали и младшие братья и сестры Людмилы Александровны.

В 1988 году, когда умер муж Нины Семеновны, дети перевезли маму к себе, в Кедровый Шор. Так и живут все в одном поселке, недалеко друг от друга.

Мы уезжали домой. И мне показалось, что этот приезд был праздничным подарком не только для Нины Семеновны. Она, с ее оптимизмом и жизнелюбием, с ее задором и огоньком в глазах, сама того не подозревая, была самым настоящим подарком всем нам, кому выпало счастье пообщаться с этой удивительной и неунывающей женщиной.

75-летний юбилей Великой Победы, в которую вложила частичку своего труда и Нина Семеновна Рочева, вместе с ней отмечали ее 5 детей, 8 внуков, 13 правнуков и одна праправнучка. Так и хочется сказать: «Дай Бог каждому дожить!».

Жанна Морзун

**Из блокадного
Ленинграда –
по всей стране**

***Алма Ивановна
САПШИНЕН***

ЖИТЕЛЬНИЦА блокадного Ленинграда, а ныне печорка Алма Ивановна Саппинен родилась 4 февраля 1931 года. В газетах о ней рассказывали не раз. Сама она исписала не одну тетрадь, собирая свои детские воспоминания воедино. Сейчас те письма находятся у ее внучки Татьяны, которая поселилась в родном городе бабушки, ныне Санкт-Петербурге.

Наведалась к ней и я. И ничуть не пожалела о визите. Биография Алмы Ивановны тронула меня до глубины души. Как она вместе со своей семьей выжила в те тяжелые времена, одному Богу известно.

Жила Алма под Ленинградом, в деревне Куйвози. В Ленинград ездила с мамой Анной Егоровной продавать молоко. Хозяйство в семье Торикко, финнов по происхождению, было большое. Держали корову, овец, кур и ухаживали за большим участком земли, на котором чего только не выращивали. В выходные деревенская детвора ездила на поезде до ближайшей станции на озеро. Лето в 1941 году выдалось жарким, и в воскресенье, 22 июня, десятилетняя Алма с подружками решили

купаться. Сели в поезд, доехали до станции, вышли. И тут на вокзале объявляют – война началась...

Девчонки заголосили: «И зачем мы поехали купаться, война началась!» Кто-то заплакал, кто-то дрожал от страха. Подружек снова посадили в поезд и отправили обратно. Приехали домой, а в деревне все тоже плачут плачут и повторяют: «Война началась». Тяжело оказалось осознать такое – люди были очень напуганы.

Вернулся с работы отец Иван Степанович Торикко. Он трудился агрономом, ездил по колхозам, смотрел за выполнением работ. 22 июня тоже уехал с утра в одну из деревень. Радио там не было, и Иван Степанович ничего не знал о войне. Когда приехал домой, увидел семью в слезах. Они-то ему и сообщили ужасную весть. Он не поверил, побежал в контору – там тоже о войне говорят. Позвонил своему начальнику, мол, что делать? Все боялись, что деревню захватят одной из первых, ведь она находилась рядом с границей, и вокруг базировалось множество воинских частей, находились склады со стратегическим запасом продуктов. Начальник посоветовал ему ехать ближе к

Ленинграду. С этого момента и началось трудное детство Алмы и долгое ее путешествие по стране.

Ближе к Ленинграду оказался лес за деревней. Там и поселились в сторожке лесника две семьи Торикко и Александровы. У Торикко – дочь и сын, у Александровых – две девочки и мальчик.

Потом опять распоряжение: поезжайте еще ближе к Ленинграду. Дали машину – и опять в путь. На этот раз местом назначения стала деревня Вартемяги. Устроились семьи в деревянном доме, где до войны жили трактористы во время страды. Трактористов забрали на фронт, а беженцы расселись по их комнатушкам.

«8 сентября враг подошел вплотную к Ленинграду, началась блокада, – вспоминает Алма Ивановна. – Нас, детей, хотели эвакуировать через Ладогу, но ее уже захватили фашисты. Так что мы остались в Вартемяги. Рядом с деревней находился военный аэродром, самолеты защищали город, а зенитки защищали наши самолеты и сбивали немцев. А мы, любопытные ребята, ходили смотреть, как стреляли в фашистов. Военные нас выгоняют, а мы обратно идем. Были бесстрашные в детстве.

Уже 1942-й начался. Мы встречали Новый год в своей комнатухе всей семьей и еще не догадывались, что наступило страшное голодное время. На день детям полагалось 125 граммов хлеба, взрослым работающим – немного больше. Мы бегали в магазин сами. Уходили ночью, чтобы очередь занимать, и один раз у нас чуть не отобрали этот хлеб. Голодные люди были готовы на все. А одна девчонка так и не вернулась. Хлеб у нее отобрали, а саму убили. Мама боялась, что и на нас нападут. А мы с подружками успокаивали, мол, мы маленькие, юркие, убежим, если что.

Позже отца с группой работников откомандировали объезжать все близлежащие колхозы. В заброшенных домах и дворах, жителей которых уже эвакуировали, они искали запасы и скотину и отправляли в Ленинград голодающим. Себе брать ничего не разрешалось, могли арестовать.

Нашей семье повезло чуть больше. Так как мы приехали из деревни, то успели прихватить с собой корову, пару овец и запас картошки. Овец пришлось зарезать, картошку старались экономить. А вот с коровой проблем не было, она всегда исправно давала много молока. Но когда времена стали совсем тяжелые, нам с сосед-

кой, у которой тоже была корова, сказали: оставляйте одну корову на несколько семей, а другую сдавайте государству. Решили оставить нашу, потому что она больше молока давала. Так наша корова стала снабжать молоком и нас, и соседей, и раненых бойцов из близлежащего госпиталя.

В марте 1942 года дали приказ снова начать эвакуировать людей. За это я лоблю маршала Жукова: он взял освобождение дороги жизни в свои руки. Нам дали несколько часов на сборы и на пассажирском поезде, в который мы сели на вокзале в Токсово, отправили до Ладоги. Ехали ночью, днем передвигаться нельзя было – немцы начали бы обстрел. На озере лед. Нас посадили в полуторки, в одном кузове умещались четыре семьи. С собой приказали взять личные вещи, не больше 12 килограммов на человека. Мама взяла ведро картошки и немного нужных вещей, с этим скудным скарбом мы и отправились в долгий путь».

Доехали. Не разбомбили. На берегу их ждал товарный поезд, в каждый вагон загнали по 40 человек. Люди разместились как могли. Кто помладше, спал на полочках, кто постарше – на полу. С мамой в эвакуацию отправились Алма и ее брат Эдуард. Ей было

11 лет, ему – 14. Отец остался. До окончания блокады он хлопотал о поставке продуктов голодающим.

Ехали долго. Все спрашивали: «Куда нас везут?» Отвечали: «В Сибирь». Поначалу кормили. Еду раздавали на станциях по пути следования. Сначала солдат покормят, потом – гражданских. У каждого была своя кастрюлька, куда клали долгожданную кашу или наливали суп. На одной из станций беженцы вышли за порцией еды, и вдруг – бомбежка. Главный отдал приказ бежать в лес. Весь состав там и заночевал. После бомбежки опять загрузились в товарняк и поехали дальше. Зима, холодно. Прямо в вагонах стояли буржуйки, у которых пассажиры и грелись. Анна Егоровна припасла сырой картошки, которую она вместе с детьми резала тонкими ломтиками и прислоняла к горячей трубе. Когда ломтики подсыхали, им казалось, что это печенье.

Довезли до Омска. Из состава пассажиры вышли вшивые. Всех отправили на санитарную обработку. Но больше вспоминается не этот грустный момент, а то, что после изнурительного пути эвакуированных хорошенько покормили. А потом отправили работать для фронта. Торикко попали на станцию Горки. Те семьи, у кого дети постарше, послали валить лес и заготавливать рыбу. Привезли на берег Оби – рядом лес, ни одного дома нет. Где жить? Мама Алмы оказалась дочерью раскулаченного, который зарабатывал тем, что рубил лес и строил дома. Анна Егоровна и ее четыре сестры с детства помогали отцу. Поэтому, долго не думая, она организовала своих детей на постройку добротного шалаша.

Из веток кровати смастерили, наматрасники набили мягкой листвой, накрыли шалаш брезентом, который достался им от летчиков. Все лето семья прожила в этом шалаше, заготавливала древесину. Другие эвакуированные тоже мастерили себе жилища кто как мог. Целая деревня образовалась. Людей много, а врача не было. Одна женщина затемпературила и умерла. И Анна Егоровна заболела, работать не могла. Тогда Алма взяла на себя обязанности повара, готовила на костре. Маму дети лечили сами, но когда ситуация обострилась, стали просить прислать врача. Он осмотрел пациентку и срочно отправил всю семью в Ямгорд. Там Анна Егоровна поправилась, и Торикко снова отправились в деревню, ко-

торую эвакуированные сами себе отстроили на берегу Оби у леса. Приехали, а там уже два дома добротных возвели. Вот так жили и работали. Брата, как и других парней, отправили ловить рыбу, а женщины с девочками чистили ее, солили, утрамбовывали в бочки и отправляли на фронт. Заготовщикам рыбу брать себе строго запрещалось. Никто и не брал. В то время каждый советский человек знал, что все – для фронта, все – для победы.

Прислали учителя. Он предложил детям писать бойцам письма. Вместе с письмами отправляли и посылочки, а в посылочках – табак. Его тогда по карточкам вместе с хлебом и сахаром выдавали каждому. Несмотря на войну, дети учились. В постронной деревне уже возвели пять домов, в одном из них разместилась школа. Алма пошла в 4 класс и даже сдавала экзамены после окончания начальной школы. Сегодня она вспоминает: «На экзамене учительница меня спрашивает: «Кто такие Ленин и Сталин?» Отвечаю: «Руководители. Ленин уже умер, а Сталин и сейчас руководит». Учительница не понимает: «Как иначе можно назвать руководителя?» А мне ребята подсказывают, мол, вождь. Я по-своему поняла и говорю: «Вождь». Дети засмеялись, а учительница говорит,

никому больше так не скажи. Не вож, а вождь». Но экзамены я все-таки сдала. По математике и литературе у меня хорошие отметки были, очень любила читать стихи Пушкина.

Начальная школа у нас была, а дальше детей учить некому. Мама написала письмо в НКВД, мол, дочь в 5-й переходит, а сыну вообще надо 7-й класс заканчивать. Так нас отправили в город Мужы, где мы стали ходить в основную школу. Наконец блокаду прорвали, папу послали работать в Сибирь, а заодно и найти свою семью. Из НКВД нам прислали письмо, мол, вас отец ищет. Мы отправились к нему. Опять дальний путь по Оби на корабле. Прибыли в город Сталиноск – ныне Новокузнецк. Поселились у одной доброй женщины, которая согласилась пустить нас на постой. Так и жили».

Уже после войны Торикко пришел вызов, в котором сообщалось, что они могут вернуться в свою родную деревню. Папа умер, брат женился. И Алма с мамой отправились на родину одни. Оказалось, что деревню разбомбили. Горемыки хотели поселиться у сестры в Ленинграде, но выяснилось, что людям с иностранной фамилией запретили проживать в северной столице, ровно как и в столице СССР Москве. Анна Егоровна увидела объявление, в котором приглашали людей в Карелию на лесозаготовки, предоставляли жилье. Поехали туда. Алме было уже 16 лет, и она пошла валить лес. Работа оказалась очень тяжелой, дочь пилила деревья, собирала сучья, а перенесшая болезнь мама трудилась в домоуправлении. Согласно договору, прожили там год и уехали.

Вернулись к тетке под Ленинград. Жили там. Мама работала в детском доме. По возрасту Алме надо было школу заканчивать, а она несколько лет учебы пропустила. Определили девушку в 7 класс, где она сдружилась со многими ребятами. После получения аттестата дочери Торикко снова решили ехать в Сибирь. Жили с братом и его семьей, работали. Аня обучилась на мотористку, работала на цементном заводе, на шахте. Взрослая уже совсем стала, наверстывала упущенное во время войны, ходила на танцы с подружкой, записалась на курсы кройки и шитья.

«В городок к брату приехал молодой парень из Печоры, тоже финн с фамилией Саппинен. Нас сразу познакомили, так мы, фин-

ны, все друг с другом дружили, – продолжает рассказ Алма Ивановна. – Иван оказался на 10 лет старше меня, но по нему нельзя было этого сказать – молодежавый, приятной внешности. Познакомились, и он сразу замуж позвал. Я согласилась, но на работе мне не стали заявление об увольнении подписывать, начальник сказал: «Ты этого парня полдня знаешь. Ты что, с ума сошла? Иди работай!» Я выхожу из конторы и говорю, мол, если любишь, подождешь. Он и уехал, а я осталась. Сестра его все писала мне и просила приехать, говорила, что Ваня влюбился и место себе не находит. Я доработала положенный срок, получила тринадцатую зарплату и отправилась в Печору. Поженились. Родили двоих сыновей, Виктора и Сергея. Так и прижилась я в Печоре».

Мама Анна Егоровна продолжала ездить по стране, то к сыну в Сибирь, то к дочери на Север. Похоронили ее в Печоре. Алма Ивановна работала. На пенсию ушла со швейной фабрики, где много лет трудилась швеей-мотористкой. Иван Иванович умер в 1986 году, трагически погиб и старший сын Виктор. Сейчас у женщины, пережившей блокаду и сполна помотававшейся по необъятной стране, трое внуков и один правнук.

О своей судьбе она рассказывала мне долго, а я не смела перебить ее, так как именно к таким людям отношусь с трепетом и глубоким уважением. Учю этому и своих детей. Во время всей беседы я пыталась представить себя на ее месте, но если честно, становилось страшно. И пусть такого больше не случится с нашей страной. Пусть наши дети никогда не испытают тягот военного времени. Алме Ивановне и всем ветеранам Великой Отечественной войны наша газета желает спокойной старости в окружении любящих людей!

Елена Крылова

**Не все страницы
еще дописаны**

**Екатерина Петровна
СЕЛИВАНОВА**

Мой рассказ о Екатерине Петровне Селивановой. Родилась она в 1927 году на Украине, в деревне Маргенау Запорожской области. Ее родители Петр Петрович и Мария Ивановна Регер были именно теми немцами, которые еще с Екатерининских времен селились на неосвоенных землях Малороссии, разрабатывали неосвоенные просторы, строили дома, пахали землю, держали скот и жили дружными и большими семьями. Катя была девятым, предпоследним ребенком в семье. Разница в возрасте между старшим и младшим ребенком в семье Регеров составляла 20 лет, и когда родился самый младший, то старший был уже взрослым и самостоятельным. Детей рожали не за «материнский капитал», а рожали потому, что так было Богом дано. И именно в таком послушании и воспитывали своих детишек.

Всю свою автобиографию хозяйка чистой, аккуратной и ухоженной квартиры, где каждая вещь лежит на своем месте, где нет ничего лишнего и ни в чем она не испытывает недостатка, рассказывает, как бы листая отдельные страницы большой книги. Название этой книги «Жизнь», и состоит она из 93 прожитых лет.

Из того раннего детства Екатерина Петровна вспоминает только большую и дружную семью, крепкое хозяйство, гектары сенокосных угодий и пахотных полей, на которых приходилось трудиться с ранних лет. Так что всему была научена еще с детства. А еще Регеры разводили жука-шелкопряда. Это была еще одна статья доходов в семье. «Коконь сдавали, – рассказывает Екатерина Петровна, – за них получали деньги и 3 метра шелка на платье». Отец работал в колхозной столярной мастерской – дерево пело в его умелых руках, старший брат работал тоже в колхозе, заведующим фермой.

Но в 1938 году отца расстреляли. За что именно, Екатерина Петровна уже и не помнит. А, возможно, и не знает. Потому что в годы репрессий многих могли расстрелять без суда и следствия, без объявления каких-либо обвинений. Скорее всего, так оно и было, потому что в семье об этом не говорили. Лишь мама, смахнув украдкой непрошеную слезу, сразу стала старше своих лет: вдовой осталась с десятью детьми. Пришлось одной поднимать ребятшек.

Екатерина Петровна вспоминает свои детские годы: «До войны я окончила школу-семилетку. В школу ходила в соседнее село. Весной и осенью бегали пешком, а зимой жили в пришкольном интернате. Немецкий язык был родным в каждой семье, именно по-немецки мы общались между собой. Первые два класса все предметы преподавались на немецком языке. Уже с третьего класса нас учили по-русски. А немецкий и украинский языки, как национальные, преподавались в каждом классе по два часа в неделю. Так что теперь я знаю все три языка».

Но пришла беда страшней вдовьей печали – началась война. Она не была тогда Великой Отечественной. Она была жестокой и

беспощадной. Село было оккупировано фашистами. С начала войны и до 1944 года семья жила «на временно оккупированной территории». Это в документах так написано. А на самом деле – об этом лучше не вспоминать... Фашисты заставляли работать всех, кроме грудных детей, потому что армию нужно было кормить. Старшие братья еще до войны были мобилизованы в трудармию. Приходилось трудиться даже подросткам. Их труд оценивался по-другому: если работало два несовершеннолетних ребенка, то считался один рабочий день взрослого человека, хотя дети работали наравне со взрослыми.

В 1944 году фашистские войска, отступая, а точнее сказать, драпая в свой фатерлянд, всех обрусевших немцев «эвакуировали» в Германию. Так Регеры попали в Польшу. «Нас поместили в лагерь, – вспоминает Екатерина Петровна. – И мы находились в неволе, пока нас не отбила Красная Армия. Конечно, очень радовались своему освобождению из фашистских концлагерей, и надеялись, что нас повезут домой, в Запорожскую область. А на самом деле привезли в Коми АССР, на станцию Кожва». В вагонах-теплушках, немые, голодные, больные и вшивые ехали такие же,

как и Регеры, репрессированные немцы в далекий и неизвестный северный край пять месяцев. Доехали не все... А им повезло, попали в Усть-Усинский район на Белый-Юский лесозаготовительный участок, буквально: на лесоповал.

Это стало еще одной страницей в биографии Екатерины Петровны, самой большой, безрадостной и трудной. Полуголодные, кое-как одетые, во что попало обутые, строили они землянки, чтобы переночевать, а весь день – на работе. Из инструментов только пила-двухручка и топор. Работали парами, по два человека, и норма была нереальная – 7 куб. метров на двух человек, и ту норму не всегда выполняли. Екатерина Петровна вспоминает, как по пояс в снегу, когда мороз пронимает до костей, пилишь и валишь эти большие деревья. Потом надо еще срубить сучья, сжечь ветки, готовые бревна уложить в штабеля и снова валить деревья... Кстати, рубить сучья и сжигать ветки тогда называлось «легкий труд». Там, в своем детстве, она не знала, что такое «тайга», и леса такого дремучего в Запорожской области она отродясь не видела, не говоря уже о снеге и морозе.

Если заканчивались лесозаготовительные работы на одном участке, их переводили на следующий участок – так и дошли до Мутного Материка. На новом месте опять копали землянки, опять обживались. Правда, потом рядом с делянками им разрешили строить бараки. Это было намного лучше землянок. В бараке стояла одна печка. Ночью на печке сушили одежду и обувь, а днем варили еду. В каждом бараке были пожилые и старые женщины, которые в лесу работать не могли. Они занимались хозяйственными делами. Спали на нарах – вот и все «благоустройство».

Лишь одну страницу Екатерина Петровна вспоминает с особой теплотой и нежностью. Дмитрий Сергеевич Селиванов, который стал единственной на всю жизнь ее любовью, стал законным мужем и отцом ее шестерых детей. В самом начале войны он, солдат Красной Армии, попал в плен. Находился в фашистских концлагерях до самого их освобождения, за что на 6 лет был сослан в Воркуту и направлен на строительство железной дороги. Так и познакомились: оба ссыльные, оба без документов и без какой-либо надежды на радостное будущее. По-

жениться они не могли – а кто регистрирует этот брак, если у них нет паспортов? Только чистым и искренним человеческим чувствам, желанию быть рядом, делить пополам все печали и радости, поддерживать друг друга в трудную минуту – нет никакого дела до того, есть ли паспорт или его нет.

Они все смогли: прошли через разлуку, непонимание, через испытания. Но никогда не теряли надежды на то, что обязательно будут вместе. Зарегистрировать свой брак Селивановы смогли лишь после того, как в 1956 году Екатерина Петровна получила паспорт. За год до этого семье дали квартиру в поселке Красный Яг, где работал тогда уже вольнонаемный Дмитрий Сергеевич. Маленькая, однокомнатная – как только помещались в ней такой большой семьей. Они с мужем воспитали шестерых детей, и всем всегда хватало места. Все были сыты, аккуратно одеты, все ходили в школу. Сегодня у бабушки 8 внуков и 15 правнуков.

Изменилась жизнь, изменилось отношение к бывшим ссыльным. 19 марта этого года глава сельского поселения Константин Юрьевич Хохлов вручил Екатерине Петровне, как несовершеннолетней узнице фашистских концлагерей, хотя этот лагерь был на территории Польши, памятную юбилейную медаль «75 лет Победы в Великой Отечественной войне». А в жизни Екатерины Петровны осталась та же однокомнатная квартирка, в которой все мило и дорого, в которой она прожила самые счастливые свои 65 лет и в которой выросли ее дети...

Правда в 2000 году она вместе с дочерью Елизаветой уехала на свою историческую родину – в Германию. Думала, что именно там будет свой век доживать. Не смогла жить вдали от дома. Тосковала, скучала и через семь лет вернулась обратно. Дети помогли отремонтировать квартиру и привести ее в порядок. Теперь, когда почти вся жизнь прожита, у нее есть только одно желание: последние страницы своей книги – одному Богу известно, сколько их еще осталось – дописать именно здесь, где все родное и дорогое ее сердцу.

Жанна Морзун

**Я и сейчас
счастливая**

**Валентина Александровна
ФРОЛОВА**

ЭТА маленькая хрупкая женщина с живыми глазами, в которых искрится доброта, помнит буквально все, что было в ее жизни, начиная с самого раннего детства. Родилась Валентина Александровна Фролова в декабре месяце 1932 года в городе Тулун Иркутской области. Отца своего она никогда не видела. Колчаковцы убили его, когда мама еще носила свою крошку под сердцем.

Спустя годы, Вале рассказали эту страшную историю. Ее отец, городской банкир, вместе с кучером вез деньги на одну из заимок. Наверное, не очень-то и боялись, потому что оружие, которое было в кобуре, придавало уверенности в том, что ничего страшного не случится. Но оно случилось. По дороге на них напали вооруженные люди. Отобрали пистолет, только кобура осталась. Застрелили обеих – и его, и кучера. Деньги забрали, а убиенных положили в кошёвку (так назывались в Тулуне сани), развернули лошадь, и она побрела обратно, домой. Лошадь дорогу знала хорошо, и сама пришла ко двору.

О своем детстве Валентина Александровна рассказывает очень подробно: детская память сохранила все до мелочей.

Воспитывали ее Кулаковские – бабушка и дедушка по маминой линии. В городе Тулуне у них был свой дом. Они и забрали маленькую внучку к себе. Выписали свидетельство о рождении. Не стали вдаваться в подробности и написали дату рождения ее 7 января 1933 года. Валя помнит и усадьбу, и огород, на котором бабушка каждый год сажала овощи, и ухоженные грядки, на которых к осени поспевал урожай.

Мама вышла замуж второй раз и вместе с отчимом жила отдельно.

Здесь же, в Тулуне, Валя окончила начальную школу. До сих пор помнит она свою учительницу Августу Николаевну: «Хорошая она была. Красивая, молодая, и одевалась хорошо. А еще она любила меня и оберегала, потому что у меня не было папы, мама жила отдельно, а в школу меня водил дедушка», – вспоминает Валентина Александровна.

Войну она помнит плохо. Да и не докатилась она до Тулуна, раньше пришлось фашистам драть. В годы войны ее дедушка работал хирургом в тыловом госпитале. Очень часто брал с собой на работу свою маленькую внучку. Казалось бы, чем она могла

помочь? Оказалось, могла. Научилась стирать. Стирала бинты, развешивала их, сушила, и даже ребенком помогала дедушке и врачам лечить раненых на фронте бойцов.

После войны мама с отчимом уехали в Петропавловск-Камчатский. Отчим работал в ДОКе, на военном ремонтном заводе – обслуживал артиллерийские орудия, установленные на кораблях. В семье, кроме Вали, было еще две дочери. Несколько лет она, как старшая сестра, помогала маме управляться с домашними делами,

нянчилась с малышами. А когда ей исполнилось 17 лет, устроилась на работу ученицей в швейное ателье. Именно в то ателье, куда приходили курсанты морского училища, офицеры, старшины и мичманы и заказывали себе повседневную и парадную морскую форму. Полгода училась азам швейного дела. В один из рабочих дней заведующий ателье послал Валентину выдать готовый заказ клиенту. Так она познакомилась со своим мужем, бывшим фронтовиком-пограничником Петром Ивановичем Фроловым.

Уроженец города Балашов Саратовской области, призван в ряды Советской Армии в 1943 году, он воевал на фронте, на Западной Украине, освобождая нашу страну от фашистской нечисти. Награжден орденом Отечественной войны 2 степени. Потом служил в пограничных войсках. Довелось ему ликвидировать бандеровские формирования украинских националистов. Только это была уже другая война...

После войны Петр Иванович учился в военно-морском училище Владивостока, а когда получил распределение на сторожевой пограничный корабль «Воровский», заказал в ателье себе военную форму. Когда пошел в ателье забирать обмундирование, то забыл,

зачем пришел. Это была именно любовь с первого взгляда – единственная, на всю жизнь. В Валю нельзя было не влюбиться. «Он полюбил меня за шикарные, до пояса, волосы. Косу я не плела, а делала на голове корону, – вспоминает Валентина Ивановна. – Я отдала ему заказ, а он в меня влюбился»...

Каждый, даже самый маленький, миг своих прожитых вместе с мужем лет Валентина Александровна вспоминает с особой теплотой и любовью. Эта любовь в каждом ее слове, в каждом взгляде и жесте. Этой любви хватило на все 50 вместе прожитых лет. Когда я спросила, каким он был, хозяйка ответила: «Он любил меня, лелеял и хранил. Прожили мы с мужем хорошо, в честности и согласии».

В 1951 году в их семье родился первый ребенок – дочь Людмила. Жили в гарнизоне, детишек рожали в военном госпитале. Пока старшина 1 статьи 33 погранотряда нес службу по охране Государственной границы на Тихом океане, матросы, свободные от службы, помогали по хозяйству: обеспечивали продуктами, топили печку, носили воду. Через три года Люде «купили» сестричку – Надежду.

С рождением второго ребенка у Валентины Александровны начались серьезные проблемы со здоровьем. Лечащие врачи посоветовали мужу увозить ее на материк. Петр Иванович не раздумывал ни единой минутки. После 10 лет службы на военном сторожевом корабле, когда до выслуги лет и выхода на льготную военную пенсию оставалось совсем немного, уволился в запас и увез всю семью к себе на родину, в город Балашов Саратовской области. Через некоторое время завербовался, и всем семейством уехали Фроловы на Север, на лесобазу треста ПечорЛесосплав».

В Кожве семье дали квартиру по улице Советской – полдома в деревянном бараке. Там и жили они с 1956 до 1995 года. Здесь у них родилась самая младшая дочь – Вера. Петр Иванович работал на лесобазе, а Валентина Александровна вела домашнее хозяйство и растила детей. Готовила она очень вкусно, и когда детишки подросли, устроилась на работу в детский сад поваром. 20 лет кормила вкусными обедами не только воспитанников 12 групп детского сада «Солнышко», но и более 70 его сотрудников. Потом была назначена шеф-поваром, и работала в детском саду до самого выхода на пенсию. Но дети уже выросли, а она-то не привыкла сидеть дома. Устроилась на работу в поликлинику, где отработала около 15 лет.

24 ноября 1998 года Петр Иванович умер. Валентина Александровна осталась вдовой. Никогда даже в мыслях не было, чтобы как-то устроить свою жизнь, она у нее и так устроенная: благоустроенная квартира, неплохая пенсия, 3 дочери, 5 внуков, 10 правнуков. Когда мы с ней прощались, она сказала: «Прожила с ним счастливо». И, немного погодя, добавила: «И сейчас счастливая».

Жанна Морзун

**Ее счастье
не прошло мимо**

**Анна Яковлевна
ШАРЫПОВА**

НАВЕРНОЕ, мы пришли не вовремя. «Мы» – это я, с блокнотом и фотоаппаратом, и председатель первичной организации ветеранов поселка Кожва Лилия Ершакова. В квартире, где нас радушно встретили, проживает Анна Яковлевна Шарыпова со своей дочерью Татьяной Феодосьевной. 16 мая этого года Анна Яковлевна отметила свой вековой юбилей – ровно 100 лет тому назад в деревне Чевяковской Шенкурского района Архангельской области в семье Колобовых родилась маленькая девочка. Отец Ани, красноармеец Яков Леонтьевич, воевал на фронтах гражданской войны и после освобождения от белогвардейцев города Архангельска вернулся домой.

Их семья, как и многие семьи в то время, была многодетной – шестеро их было у родителей. Уклад семей, где воспитывалось много детей, был совершенно другим, чем в той семье, где рос один избалованный и перелюбленный ребенок.

В больших семьях родителям забот с малышами было намного меньше. Старшие нянчили младших, и таким образом и родителям помогали, и осваивали премудрости семейных ценностей. А еще они видели то, какими были взаимоотношения между родителями, как трепетно относи-

лись мама и папа к каждому ребенку, как дети почитали своих родителей. В многодетных семьях было чему поучиться. Поэтому ребята вырастали не избалованными, трудолюбивыми и ответственными. А еще они очень любили своих родителей и друг друга. Именно такие семьи называются по праву СЕМЬЯ, где каждый – отдельное «я», но горячо любимое «я», о котором должны заботиться старшие, и «я», которое всегда готово позаботиться о младших.

Тридцатые годы прошлого века ознаменовались в истории как программа коллективизации. Тогда в хозяйстве Колобовых было две коровы, две лошади, овцы, куры – по тем меркам это было крепкое хозяйство. Кроме того, была пахотная земля, где росли репа, картошка, капуста, турнепс. Еды на большую семью заготавливали много: в кадлушках были соленые грибы, рыба, моченые ягоды.

Но Яков Леонтьевич политики партии, направленной на коллективизацию, не понимал и не принимал. А Советская власть такие вольности не прощала. Неминуемые меры за непринятие законов: раскулачивание и ссылка в Сибирь. Именно такая участь постигла Колобовых.

Маленькой Ане в ту пору было 11 лет. Она не понимала, куда ведут всю их семью – где-то пешком, а местами везли на телегах. Не только ребенку, но и взрослым трудно было представить, как жить дальше? Из нажитого не взяли абсолютно ничего. В доме осталось даже замоченное в корыте белье, бабушка не успела его выстирать...

Из всего кошмара этого «переезда» Анна Яковлевна помнит только то, что все, кого выселяли из обжитых мест как неблагонадежных для Советской власти лиц, а таких семей были сотни, на вопрос: «Куда нас везут?» никто ответить не мог. Еще Аня помнит, что всех их вооруженные люди в шинелях с красными петлицами погрузили на баржи и повезли «куда-то на Север».

О таком, с позволения сказать, «переселении» рассказывали мне несовершеннолетние узники фашистских концлагерей, которые тоже испытали не себе все ужасы репрессии. У них тоже детские воспоминания о пути следования до места ссылки, в Коми АССР, напоминают картинки страшного кошмара. Этот кошмар стоит перед их глазами до сих пор, и от него, спустя почти 90 лет, тогдашние переселенцы и несовершеннолетние узники фашистских концлагерей не могут

избавиться. Наверное, поэтому всем им так трудно вспоминать свое лагерное детство и рассказывать о нем. Потому что детства не было. Был только маленький его кусочек, «до ссылки», а потом детство было таким, какое «детством» уже не назовешь...

На баржи их грузили, как скотину – без счета: сколько поместится. Голодных, полураздетых, уставших, измотанных долгой дорогой, больных. Люди умирали от духоты, тесноты и недоедания, но до этого никому не было никакого дела. Порой казалось, что умрут все, что баржа до места назначения придет без людей. А они сумели не умереть, выдержали этот путь, и полуживые добрались до деревни Росвино Усть-Цилемского района. Почему-то думали, что сразу за деревней уже ничего больше нет, что Росвино – это уже самый краешек Земли, а дальше только Вселенная.

Мастеровитый и с малых лет обученный всякому ремеслу, про каких говорят, что у них «к правильному месту руки пристроены», отец Ани по приезде на Север освоил профессию бондаря. Бочки и кадушки, сделанные его руками, были очень востребованы в этом таежном краю. Рыбу и грибы солили именно в бочках, а в кадушках морозили ягоды. Трудлюбивая и дружная семья постепенно обживалась на новом месте, потихоньку налаживался быт.

В деревне Росвино в те годы были изба-читальня, клуб и школа. Именно в этой школе училась Аня. А с 15 лет она уже работала телятницей на совхозной ферме.

С деревенским парнем Феодосием Шарыповым Аня была знакома со школьной скамьи. Он стал ее первой любовью, единственной и на всю жизнь: «в скорби и в радости, в счастье и в печали». А дальше была фата и подвенечное платье, белоснежные и чистые, как их искренние чувства. Так появилась новая семья – семья Шарыповых. В 1940 году в их семье родился первенец – Николай. Все было хорошо, только вот грянул июнь 1941 года. Братья Анны ушли на фронт, а у Феодосия была бронь. Но когда на обеих братьев семья получила похоронки, Феодосий добился таки мобилизации. Воевал он на Ленинградском фронте, полтора года сражался с фашистами на передовой одного из самых кровопролитных фронтов. Потом был ранен и комиссован из рядов Красной Армии.

Анна растила сына и работала в совхозе. Картофель, выращенный на совхозных полях, отправляли прямо на фронт. За свою работу она удостоена медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Самым светлым за все годы войны был тот день, когда из госпиталя после ранения вернулся ее Феодосий. Утирая украдкой непрошеные слезы, ей завидовали все деревенские бабы: в тот день, когда Феодосий уходил на фронт, вместе с ним из Росвино мобилизовали 20 мужиков. А домой вернулись только двое...

Но ее женское счастье не прошло мимо, заглянуло прямо в ее дом и поселилось в этом доме навсегда. Она подарила мужу еще двух дочерей, Лидию и Татьяну.

После войны, в 1946 году всей семьей Шарыповы переехали в Кожву, в те годы это был поселок Воркутдорстрой. Сперва жили в бараке, в маленькой комнатке. Работали, поднимали детей. Эти годы были, пожалуй, самыми лучшими их годами. Родители работали, детишки росли и радовали маму и папу своими успехами. Рос и обустроивался рабочий поселок Кожва, налаживался быт каждой семьи. Спустя два года после переезда в поселок, семья Шарыповых радовалась пополнению: детишек рожали, сколько Бог пошлет – всем хватит места под солнцем. В 1948 году из роддома мама принесла братика Сергея. А через два года в семье родился самый младший – Виктор.

Пятеро их было у родителей – как пять пальцев на одной руке. Такой крепкий и надежный кулак, когда все вместе, когда сообща, когда понимают и поддерживают друг друга. Дети выросли образованными, дружными, трудолюбивыми, такими, что ими гордились родители. Указом Президиума Верховного Совета СССР за рождение и воспитание 5 детей Анна Яковлевна Шарыпова награждена «Медалью материнства II степени».

Все было в жизни Анны Яковлевны: и кусочек безоблачного детства, и годы трудных испытаний суровой северной природой, голодом, холодом и тяжелым трудом. Были счастливые годы материнства, когда в мир приходили ее детишки – маленькие кровиночки. Была любовь – чистая, искренняя и настоящая, одна-единственная на всю жизнь. Да нет, не «была». Она все годы с ней, с минуты их встречи, она и сейчас живет в самом потаенном уголке ее нежной и ранимой женской души. Когда в 1975 году умер Феодосий Константинович, Анна Яковлевна вернулась из Краснодарского края, куда они с мужем уехали незадолго до этого страшного августа, в Кожву. С тех пор она живет у дочери Татьяны.

Были в ее жизни и горе, и беда, и трагедии, и горькие потери. Самая страшная из них – 7 мая 2020 года умер сын Сергей. Анна Яковлевна очень тяжело пережила эту беду. Но она не одинока. У нее 4 детей, самому старшему в этом году исполнится 80 лет. Какое это счастье: в 80 лет чувствовать себя ребенком. Потому, что у него есть МАМА! А еще у нее есть внуки и правнуки, которые постоянно проводят бабушку и прабабушку и радуют ее своей заботой, поддержкой и своим участием.

В тот день, когда мы пришли, Татьяна Феодосьевна организовала для своей мамы банный день. Здесь же сын хозяйки и невестка, чтобы помочь маме помыть бабушку и поправить ей прическу, проще говоря, мини-баня и мини-парикмахерская на дому. Так что от фотосессии они все дружно отказались, дескать, можно сфотографироваться в другой день. Я не стала настаивать и подумала: «Дай Бог Анне Яковлевне крепкого здоровья и еще прожить ей долго-долго в заботе и любви всех своих близких и родных людей».

(При написании материала использованы биографические данные А.Я. Шарыповой из статьи Н.Н. Матвеевко «Распахнутого сердца не жалея» (газета «Трибуна», 14 мая 2010 г).

Жанна Морзун

**Своего города
достойная дочь**

**Надежда Андреевна
ШВЕЦОВА**

*«Десяносто лет! Не звонкая монета,
Это иней серебристый на висках,
Это столько Вы по белу свету
Отшагали, не сбивая шаг!*

ЭТИ СЛОВА мне очень хочется сказать Надежде Андреевне Швецовой, которая 5 декабря 2019 года отпраздновала такой почтенный юбилей. Если бы меня стали спрашивать, почему я о ней пишу, я ответила бы кратко: «Потому, что категория «Труженик тыла» для нас сегодня – уже история». Если мы напишем имена тружеников тыла в нашу историю, пока они еще живы, пока мы еще можем с ними общаться сегодня, то завтра уже может быть слишком поздно, ибо писать будет не о ком. Время неумолимо, и дай им Бог крепкого здоровья!

Родилась Надежда Андреевна в Архангельской области, недалеко от Котласа, в том далеком 1929 году, когда и страна была другая, и ценности были не такие, как теперь. Мама умерла очень рано, когда дети были еще маленькими. Отец завербовался на Север и с сыном и дочерью уехал из Архангельска на пароходе: мимо Нарьян-Мара, до пос. Иргын Шар. Надежда Андреевна вспоминает, что было так холодно, что они даже не выходили из каюты на палубу. На новом месте отец устроился на работу в местную пекарню. Там же, при пекарне, была комнатка, где они и жили. Там и прошло их дошкольное детство.

Школы в поселке не было, и когда дети подросли, семья переехала в Усть-Усу. Там у них уже был свой дом. Отец устроился на работу – плавал на пароходе, зарабатывал хорошо, и быт в семье налажился. Так было до лета 1941 года. А потом – война.

Капком прокатилась она по нашей стране, сломала мирную жизнь каждой семьи и раздавила ее на мелкие осколки. Не пожалела война и Верховцевых. Отец ушел на фронт, а детей определили в интернат в Новик-Бож, где они провели все военные годы. Наде было десять с половиной лет, и в интернате она была в старшей группе.

В годы войны, когда мужчины воевали, а женщинам приходилось выполнять тяжелую мужскую работу, в хозяйственных делах настоя-

щими помощниками становились дети. В интернате в пору сенокоса вся работа ложилась на хрупкие детские плечи. И ведь справились, выстояли, потому что понимали, что некому больше работать. И пусть им мало лет от роду, но они-то – старшие! Но больше всего Наде нравилось возиться с младшими ребятами интерната, они ее любили и слушались, и она с удовольствием занималась с ними, пока взрослые работали в поле или на заготовке дров.

И лишь после войны, когда отец вернулся с фронта, он забрал их домой. Надя была подростком, ей было всего 16 лет. Подростком по сегодняшним меркам. Но послевоенная разруха измеряла возраст чуть-чуть иначе. С 13-14 лет дети уже трудились, выполняя посильную, а порой и непосильную работу, наравне со взрослыми. А вечерами ходили в школу рабочей молодежи, чтобы получить среднее образование, поступали на курсы фабрично-заводского обучения, и приобретали востребованные профессии и имели возможность устроиться на работу с достойным заработком.

В 1946 году Надя была зачислена воспитателем в интернат. Любовь к детям и определила ее профессию и дальнейшую трудовую биографию. Надежда Андреевна поступила в Сыктывкар на годичные педагогические курсы. После окончания обучения вернулась в Усть-Усу и устроилась воспитателем местного детского сада.

Когда техникум речного флота из Усть-Усы перевели в поселок Пудеец, Надежда Андреевна вместе со всеми переехала на новое место жительства. Помнит, как летом строили новые здания из бревен, привезенных на баржах из Усть-Усы, как рос и обустроивался затон Пудеец. Но к зиме здание детского сада достроить не успели, и Надежда Андреевна устроилась на работу секретарем. Несколько навигаций отработала на флоте поваром. Но все время скучала по прежней работе, и при первой возможности вернулась в детский сад.

Наверное, то были самые радостные и счастливые дни в ее жизни. Работать приходилось днем и ночью. Днем в детском саду. А ночью дома: шили костюмы для утренников, мастерили игрушки, копали клумбы и выращивали цветы. В детском саду была традиция: каждый год весной сажали на одной из клумб цветы. Все лето по очереди ухаживали за клумбой, лелеяли каждый цветочек. А 1 сентября собирали из этих цветов букеты и провожали своих воспитанников в

первый класс с огромными охапками самых красивых и самых ярких цветов, выращенных на этой клумбе. И каждый год нарядные первоклассники в новенькой школьной форме с белыми воротничками традиционно фотографировались возле этой клумбы. Казалось, ничего не менялось: тот же фасад здания, та же клумба, те же воспитатели и нянечки, только ребята другие. Одни вырастали и уходили в школу, другие приходили в стены детского сада...

В 1950 году Надежда Андреевна встретила свою вторую половинку. В выпускника Сыктывкарского педагогического училища, учителя начальных классов Алексея Петровича Швецова нельзя было не влюбить. Вместе они прожили 55 лет. Муж работал директором Путьеской средней школы, а Надежда Андреевна трудилась в детском саду. Потом семья переехала в Печору, и в 1970 Алексея Петровича назначили директором вечерней школы. В 2005 году его не стало, Надежда Андреевна осталась одна.

Но не одна она, ведь они с мужем воспитали двоих прекрасных дочерей. Правда, через год после смерти мужа она нашла в себе силы и пережила еще одну страшную потерю: перестало биться сердце дочери – Веры Алексеевны Швецовой, которая работала в то время заведующей инфекционным отделением Печорской ЦРБ.

Сейчас вместе с мамой живет Валентина Алексеевна. Много лет она, как и мама, отработала воспитателем детского сада, теперь на заслуженном отдыхе.

Годы, словно талая вода, пролетают в одночасье — они неумолимы. У Надежды Андреевны сегодня двое внуков, четверо правнуков, и каждую минуту рядом любящая, любимая и заботливая дочь. А в квартире, где они столько лет прожили вместе своей дружной семьей, все осталось по-прежнему. Те же стол и кресла, тот же диван, шкаф и сервант. Это уже не мебель. Это уже память. И пусть эта память хранится как можно дольше.

Жанна Морзун

**Горький привкус
вдовьей печали**

**Лидия Федоровна
ЮРКИНА**

«РОДИЛАСЬ я 2 апреля 1938 года в деревне Концебор Усть-Усинского района Коми АССР», – рассказывает Лидия Федоровна Юркина. И я понимаю, что ее устами говорит сама история. Потому что уже нет Усть-Усинского района, нет Коми АССР, нет и того колхоза, председателем которого работал ее отец. И самого отца давно уже нет в живых. В деревне ныне живут: ее сестра, Майя Федоровна, родственники. А на деревенском погосте могилки мамы и отца, родных и близких...

О своем детстве Лидия Федоровна вспоминать не любит. Потому что и вспомнить-то нечего. Большая семья, в которой воспитывалось 7 детей, вот уж поистине, «семеро по лавкам». Только росли ребятишки не лежебоками. Отец работал председателем колхоза. «Как назывался колхоз, я уже не вспомню. Был колхоз имени Н.С. Хрущева, потом назывался «Сабля», – вспоминает Лидия Федоровна, – а потом как... я и забыла уже». Несмотря на то, что сам глава семейства занимал самую высокую в деревне должность, мама работала на ферме телятницей. А ребята, чуть только подросли, пастушили – пасли колхозные стада – такие вот «мажо-

ры». Сегодня трудно это представить, но так оно было, Лида тоже свой первый рубль заработала на колхозных работах.

Дома было свое подсобное хозяйство и большой огород. Выращивали много картошки, капусты, моркови, свеклы, чтобы их хватало на весь год, до нового урожая. А еще дома были младшие братья и сестры. И не было детских яслей и детсада. Мама уходила на работу, а ребятишки оставались на попечении старших сестер. Хорошим подспорьем были лес и река. В лесу собирали клюкву и бруснику, засыпали полные фанерные ящики, и всю зиму хранили в амбарах. Там же стояли бочки с солеными грибами и соленой рыбой.

Тогда в Концеборе были свои рыболовецкие артели. «Бригады рыбаков большую часть своего улова сдавали государству и себе домой тоже рыбу брали». В одной из таких артелей рыбачила старшая сестра – Лариса Федоровна. Рыбачила и сама Лидия Федоровна. Она рассказывает, как в 1955 году бригада из семи 17-летних подростков поехала на речку Лыжу семгу ловить. Моторных лодок тогда не было, сплавлялись вниз на большой весельной лодке. Но поймать удалось только налимов да щук – семги не поймали. А домой добираться нужно было вверх по течению. Проходящие

мимо пароходы брали на буксир рыбацкие лодки и довозили до Конецбора, если рыбаки отдавали им рыбину из своего улова. «А мы семгу не поймали, нас теплоход не взял. И нам пришлось прицепить к лодке бечевку и вдоль берега пешком тащить лодку до дома, как «бурлаки на Волге»... всякое было», – улыбаясь, говорит Lidia Федоровна.

Там же, в Конецборе, окончила Lidia четыре класса деревенской школы. Как я теперь понимаю, 4 класса школы – тогда это был уже грамотный и образованный человек. «Позже, когда я вышла замуж, и

мы уже жили в Кожве, я была казначеем профсоюзной организации, потому что я грамотная», – с гордостью говорит Lidia Федоровна.

А меня до глубины души тронула записка, которую она хранит до сих пор: «Я пошла в больницу. Lidia». Написанная простым карандашом на обратной стороне фотографии и оставленная на столе мужу, чтобы он не волновался и не думал, что с ней что-то случилось, – говорит о многом.

Со своим мужем-фронтовиком, артиллеристом-зенитчиком Михаилом Павловичем Юркиным Lidia познакомилась в родной деревне. Уж поистине правду говорит народ: «Если счастье девичье придет, то и на печке найдет». Скажем, не на печке, а на танцах в избе-читальне – так тогда назывался клуб вместе с библиотекой. Он был немного старше, на 12 лет, но это не помешало ему влюбиться с первого взгляда, да так, что на всю жизнь. Ей в ту пору было 20 лет, и ей тоже приглянулся этот молодой человек, который работал в экспедиции – его бригада тогда рубила просеку, и вечером Михаил пришел на танцы в ту же избе-читальню.

После свадьбы молодая семья уехала на родину мужа, в Сыктывдинский район. Там они прожили недолго. Через 8 лет при-

ехали в Кожву, где тогда жила старшая сестра Лидии Федоровны, Лариса Федоровна. Первое время Юркины жили у сестры, а потом получили свое жилье. Именно жилье, но это была отдельная комната в бараке по Печорской улице. Потом семья переселилась в однокомнатную квартиру по улице Интернациональной. Пусть и не благоустроенная, пусть печка, дрова, благоустройства за сараем, привозная вода, но квартира своя, отдельная. Они ей были очень рады и потихоньку обживались. Михаил Павлович работал на лесобазе треста «Печорлесосплав», отгружал железнодорожные вагоны с готовой продукцией. Лидия Федоровна трудилась в местной жилищно-коммунальной организации разнорабочей. А этих «разных работ» в те годы было невпроворот: бригада пилила и возила дрова в общежития, которые все были с печным отоплением. Потом ее перевели в ремонтно-строительный участок, где она освоила профессию штукатур-маляра. Это были те годы, когда поселок Кожва рос и строился. Так и проработала Лидия Федоровна в РСУ до выхода на пенсию. 42 года трудового стажа у нее за плечами. О том, как она работала, свидетельствуют многочисленные грамоты и благодарности. В копилке ее наград и медали:

«За многолетний добросовестный труд». все это бережно хранится в шкафу. Периодически Лидия Федоровна просматривает свои поощрения и награды. Может, для кого-то грамота – это просто красивая цветная открытка. А для нее за каждой наградой – ответственное отношение к выбранному делу, добросовестное выполнение своих обязанностей, трудолюбие и осознание того, что твой труд нужен людям.

Спустя несколько лет, Юркиным предоставили квартиру по улице Титова. Это уже квартира по тем меркам благоустроенная: центральное отопление, водопровод, ванная, правда, горячей воды в квартире не было, приходилось топить титан. Тогда это был верх цивилизации и благоустройства. Так и жили бы они, только беда случилась: заболел Михаил Павлович.

С последствиями инсульта справиться не удалось, и ему была назначена I группа инвалидности. В 1989 году ему, как ветерану Великой Отечественной войны и инвалиду I (нерабочей), группы в новом доме была предоставлена благоустроенная двухкомнатная квартира, в которой проживает сегодня Лидия Федоровна. Деток Бог не дал, живет одна. С особой благодарностью и теплотой говорит она сегодня о своем муже: «Спасибо ему, что он вывез меня из той глухомани. Что я видела бы в своей деревне?».

В отдельной красивой красной шкатулке бережно хранит Лидия Федоровна все награды Михаила Павловича. Фронтовые: Орден Отечественной войны за № 5111842, медали «За отвагу» и «За победу над Германией», юбилейные медали. К боевым наградам добавились трудовые: орден «Знак почета», медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», нагрудные знаки: «Победитель соцсоревнования» и «Ударник девятой пятилетки».

Большая часть жизни Лидии Федоровны прожита. Сегодня она не жалеет о том, что было когда-то, давно. Только одна досада – рано осталась вдовой. Муж умер, когда ему было 63 года. «А ведь не старый был... Мог бы еще пожить...» И столько тоски в ее словах! Сердцем понимаешь, что это говорит ее вдовья печаль.

Жанна Моргун

Содержание

Людмила Окрестина. Предисловие	3
Надежда Еременко. Под рубрикой «Память»...	4
Жанна Моргун. Благословите женщину <i>(О Флоре Шмульевне Андреевой)</i>	5
Жанна Моргун. Дом, согрет любовью и теплом <i>(О Зое Алексеевне Бабинец)</i>	14
Жанна Моргун. Полжизни – черно-белое кино <i>(О Марии Петровне Бородако)</i>	21
Жанна Моргун. Ее биография в ее стихах <i>(О Венере Семеновне Брежневой)</i>	28
Жанна Моргун. Пусть за нее расскажут документы <i>(О Прасковье Афанасьевне Вершининой)</i>	37
Жанна Моргун. Родину не выбирают <i>(О Розе Рафаиловне Гардер)</i>	46
Жанна Моргун. И прожито немало, и пережито много <i>(О Глафире Николаевне Денисовой)</i>	52
Жанна Моргун. Три года в оккупации <i>(Об Антонине Алексеевне Жегуновой)</i>	58
Жанна Моргун. Мозаика прожитых лет <i>(О Екатерине Константиновне Кислицыной)</i>	65
Жанна Моргун. В Кожве их знают все <i>(Об Ангелине Дмитриевне Кушмановой)</i>	71

Жанна Моргун. Валя-Валентина <i>(О Валентине Павловне Лебедежковой)</i>	76
Жанна Моргун. Для меня до сих пор они живы... <i>(Об Юлии Михайловне Михайловой)</i>	82
Жанна Моргун. Теплый человек <i>(О Марии Антоновне Порубаевой)</i>	88
Жанна Моргун. Дай Бог дожить <i>(О Парасковье Семеновне Поцинкене)</i>	94
Жанна Моргун. Праздник с доставкой на дом <i>(О Нине Семеновне Рочевой)</i>	98
Елена Крылова. Из блокадного Ленинграда – по всей стране <i>(Об Алме Ивановне Саптинен)</i>	105
Жанна Моргун. Не все страницы еще дописаны <i>(О Екатерине Петровне Селивановой)</i>	115
Жанна Моргун. Я и сейчас счастливая <i>(О Валентине Александровне Фроловой)</i>	121
Жанна Моргун. Ее счастье не прошло мимо <i>(Об Анне Яковлевне Шарыповой)</i>	127
Жанна Моргун. Своего города достойная дочь <i>(О Надежде Андреевне Швецовој)</i>	133
Жанна Моргун. Горький привкус вдовьей печали <i>(О Лидии Федоровне Юркиной)</i>	137
Содержание	144
	145

Жанна Моргун

Под рубрикой «Память»

Составитель и литературная правка:

Жанна Моргун

Корректор:

Любовь Мартымянова

**Компьютерная верстка, дизайн,
обработка и реставрация фотографий:**

Сергей Гаввой

Тираж экз. Заказ № .

???

????

